

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин

Петр Ивлев рано узнал, почему фунт лиха. Осиротел в один год сразу, когда не исполнилось и четырех лет. Отец от воспаления легких, мать спустя три месяца – не разродилась девочкой.

Мальчика взяла сперва бабушка, потом, когда бабушка умерла, приютила вдовая тетка.

Петр с грехом пополам дотянул до пяти классов и пошел работать в колхоз.

Шла война. В колхозе работали глубокие старики, бабы и молодняк-подростки. Трудное было время.

Поедет, бывало, Петька на мельницу зимой... А мешки, каждый – пятьдесят-шестьдесят килограммов. Навалят на спину такую матушку и неси. А нести надо вверх по сходне: ноги трясутся, в глазах – оранжевые круги. Сходня – три-четыре сшитых тесины, поперек – рейки набиты. Обледенеет эта сходня, замызгают, заглядят ее ногами, поскользнешься – мешок так и припечатает тебя к ней. Лицо – в кровь. И не занюжишь – товарищи рядом и старик-мельник большой насмешник. Петька сплевывал солоновато-вязкую красную слюну и матерился. Материться он был мастер: дружки хохотали, а мельник одобрял:

– Так, Петька, легче будет.

Или за горючим в город ездили. Тулупишко драный, пимы третью зиму одни – подшитые-переподшитые, никакого тепла в них. А мороз – под сорок – сорок пять, дышать больно.

И ехать не двадцать, не тридцать километров, а шестьдесят с гаком. Окоченеет Петька, спрыгнет с саней и бежит километр-полтора, пока не упрет. Так до самого города: половину едет, половину бежит. И не простывали как-то!

Был он парень не бойкий, но и не робкий. Если дело доходило до драки, – что частенько случалось среди ребят в те годы, – спуску не давал, стоял до конца. И был очень упрямый: что задумает – сделает. Будет ходить, думать... Изведется весь, а своего добьется. Захотел купить черный шерстяной костюм – увидел в городе, в ларьке. Ночами снился проклятый костюм. А денег нет. Думал-думал – надумал: повез зерно молоты и один куль свалил бабке Акулине (бабка самогоном промышляла). Попались. Бабке – год «принудиловки», Петьку простили по молодости и за то, что безотказный работник. Придумал другую штуку: в свободные вечера (а то и ночи прихватит) стал вырубать корытца. Едет с сеном или порожнем откуда, выберет березку поровней, срубит, завезет домой. Обсочит ее, напилит чурбачков и вырубает корытца. Наделает – и на базар. Так раз пять съездил в город, купил костюм. Выпал свободный день, Петька надел костюм, слегка напустил брюки на хромовые сапоги (весна была), сдвинул фуражку на бочок – из-под козырька горсть мягких русых волос – и так прошелся по селу. И все. Больше ничего не требовалось – разок пройтись таким образом.

С девками не хороводился – не знал, о чем с ними говорить. Попробовал проводить одну с вечерки – всю дорогу молчал. Измучился. Проклял себя и зарекся провозить. А девки между тем заглядывались на него: был он не по годам рослый, с крепким, сильным, всегда обветренным лицом; взгляд хоть несколько угрюмый, но прямой и твердый. Внимательный.

С парнями тоже не любил много колготиться. Любил бывать один. А в основном – работал, работал, работал. В страдную пору день-деньской, от зари до зари, на жнейке. Приезжал на стан весь серый от горячей пыли, в голове еще звенит и стрекочет машина... Поужинает со всеми вместе и уйдет спать куда-нибудь к ближайшей скирде. Перед сном сидел иногда, привалившись к теплой соломенной стене, слушал поздних перепелов, шорох мышей в соломе, глуховатый поскок спутанных коней. О чем думалось?... Неясно как-то. Смутно. Хотелось попасть в какой-то большой светлый город – не в тот, куда он ездил за горючим, а в большой, красивый, который далеко... И чтоб сам он – нарядный, веселый – шел рядом с городской девушкой и рассказывал ей что-нибудь, а она бы смеялась. И была бы

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
она образованная... Чтоб руки у нее были мягкие, и чтоб не пугала она судьбу. Где он такую видел?..

Кончилась война. Тетка вышла замуж за фронтовика-инвалида, а Петр уехал в тот город, куда ездил за горючим, поступил в «ремеслуху».

Окончив училище, столярничал. Потом – армия. Отслужил и остался работать, где служил, – в большом городе. В деревню не поехал.

Жил на квартире у одной пожилой женщины, вечерами ходил в кино, случалось – на танцы, но не танцевал, а стоял в сторонке или пил с ребятами пиво в буфете. Вот тут-то – на танцах, на улице – встречались такие, какие мерещились давно в деревне: нарядные, нежные, беспечные. Рядом с ними были молодые люди, вежливые и веселые. Петр с удовольствием смотрел на них. Купил шикарный костюм, шляпу, зачастил в театр. Однажды в антракте, в буфете, подошел к одной такой. Она стояла в сторонке, ела мороженое.

– Не простудитесь? – спросил Петр участливо. И через силу улыбнулся.

Девушка удивленно посмотрела на него и отошла. Петр ушел в курилку и одну за другой подряд высадил три «беломорины».

«Как же подходить-то к ним?» – думал. Было стыдно за свою улыбку и за дурацкий вопрос. Девушка не нравилась ему, но захотелось познакомиться. И вот – не вышло. Не большая беда, что сейчас не вышло, стыдно только. А если бы сильно захотелось? Ведь может так случиться.

Случилось иначе.

Кончилось лето. Осенью Ивлева вместе с другими рабочими послали в деревню помогать колхозникам убирать картошку.

Деревня, куда приехали, большая. Помощников понаехало больше, чем надо, – рабочие, студенты, служащие... Многие откровенно лоботрясничали, жгли на полях костры, дурачились.

Вечерами в деревне стало шумно. Возле клуба выставляли оглушительную радиолу и до глубокой ночи танцевали.

А вечера стояли хорошие – теплые, темные. С неба срывались звезды и, прожив маленькую, яркую жизнь, умирали.

Илев сидел на крыльце (он жил возле самого клуба, у колхозного бригадира), курил, слушал радиолу, женский смех... Один раз, в субботу засиделся до утра. Накурился до тошноты, пошел на край деревни, к озеру. Сел на берегу и стал смотреть, как в лучах восходящего солнца занимается огнем ветхая заброшенная церквушка. Оттого ли, что церковка отражалась в синей воде особенно чисто – как в сказке, оттого ли, что горела она в то утро каким-то особенным – горячим рубиновым светом и было удивительно тихо вокруг, – вдруг защемило сердце. Петр лег на землю, лицом вниз, вцепился пальцами в траву, заскрипел зубами... И – церковь, что ли, навеяла такую мысль – подумалось о боге, но странным образом: что женщина лучше бога. Тот где-то далеко, а эти рядом ходят, и есть ведь среди них такая, с которой легко станет.

На другой день опять пошел к озеру – смотреть, как горит церквушка на закате. И встретил на улице Ольгу Фонякину. И остолбенел: такой женщины ему не доводилось видеть. Пошел за ней... Пошел, ни о чем не думая, не подумал даже, что потом опять будет стыдно. Ольга оглянулась.

– Здравствуйте, – сказал Петр.

– Здравствуйте.

Петр ласково, как мог, улыбнулся – его пугала красота женщины. И удивляла. Он стоял и смотрел на нее. Она тоже посмотрела на него, спокойная, рослая, гладкая.

– Вы что, обознались? – спросила она.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Нет, – Петр не знал, что говорить.

У Ольги насмешливо дрогнули уголки губ; она повернулась и пошла прочь.

Ивлев все смотрел на нее. Странно: он не запомнил ее лица. Он даже не был сейчас уверен: красива она или нет. Помнил только, как насмешливо дрогнули уголки ее губ.

Ивлев вернулся домой, надел выходной костюм и пошел к клубу.

Ольга стояла в кругу девушек. Рядом толпились парни. Радиола еще не гремела, еще только налаживали ее.

Ивлев подошел к Ольге.

– Отойдемте в сторонку, – вежливо сказал он.

Ольга не удивилась, улыбнулась ему, как знакомому, только улыбка у нее вышла опять насмешливая, как будто хотела сказать: «Знала, что подойдешь, вот и подошел».

– Зачем?

– Мне надо сказать пару слов... – у Петра от волнения перехватило горло. Он замолчал и уставился на Ольгу.

Ольга негромко засмеялась. Засмеялись и те, кто стоял близко. У Ивлева от стыда, от любви и злости свело затылок. Он тоже улыбнулся и, сам не понимая, что делает, вернее, понимая, что делает глупо, взял женщину за руку и хотел отвести в сторону. Ольга оттолкнула его... И тут – как из-под земли вырос – появился чернявый парень, броско красивый тонкой южной красотой.

– Одну минуту, – сказал он с акцентом. – В чем дело?

Ольга с любопытством смотрела на Ивлева.

Чернявый ловко оттер Петра в сторону, взял за локоть и, немножко рисуясь, проговорил:

– Здесь вам делать нечего, молодой человек.

В глазах Ивлева стояла Ольга – смотрела на него. Теперь он запомнил ее лицо – красивое, сытое, очень спокойное. С каким любопытством она смотрела!.. Впрочем, она показалась усталой.

– Вы меня поняли?

– Нет.

Чернявый смело улыбнулся.

– Объяснить?

– Объясни.

Чернявый оглянулся для пущей важности, взял Ивлева за грудки, встряхнул.

– Я говорю: уйти надо.

Петр хотел оторвать от себя руку чернявого, но она точно приросла – парень был цепкий.

– Отпусти, – сказал Ивлев, – не надо... А то ударю.

– О? – парень сильно рванул его на себя, отпустил и дал пинка под зад. – Чтоб я тебя больше здесь не видел!

Драться не хотелось – злости не было. В глазах стояла насмешливая, умная,

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru красивая Ольга, и было все равно: драться – драться, обнять чернявого – обнял бы... Душа ликовала. Почему-то именно в этот момент, совсем неподходящий, он поверил: пришла любовь.

Он взял чернявого за руку:

– Отойдем подальше, я тебе все объясню.

Отошли.

Чернявый, ни слова не говоря, больно ткнул Петра в грудь. Тот, не разворачиваясь, дал ему снизу в челюсть. Дрались без азарта... Чернявый пытался боксировать, но не умел, прыгал, делал обманные движения и схватывал по лбу гораздо чаще. Их разняли. Чернявый успел разорвать Петру новую рубаху до пупа и разбил в кровь губы. Зато у самого надолго зажмурился левый глаз.

Ивлев, как только их растащили, ушел домой, умылся, надел другую рубаху... И опять пошел к клубу. Опять подошел к Ольге.

– Меня Петром зовут, – сказал он. – А вас как?

У Ольги азартно заблестели глаза. Ей нравилось безрассудное упрямство парня. Петр сам не ждал от себя такой нахрапистости. Все в нем ликовало; вся нерастраченная горячая сила двадцати четырех прожитых весен выплеснулась из груди, ударила в голову. Он ошалел.

– Отойдемте на минутку...

– Мне здесь хорошо.

– На минуту... Чего вы? – Ивлев улыбнулся разбитыми губами. Он не знал, что он сказал бы, если бы она отошла. Все было не важно. Хотелось смотреть и смотреть на Ольгу. – Боишься, что ли?

– Ты сам-то не боишься?

– Нет.

– А тебе не кажется, что ты нахал?

– Нет, что ты!

– А мне кажется.

– Перестань... Никогда я нахальным не был.

Тут опять подскочил чернявый.

Ольга отошла от них.

– Я провожу ее сегодня домой, – заявил Петр. – Понял? Не смотри на меня так, а то другой глаз закрою.

Чернявый задохнулся от возмущения. Некоторое время молчал.

– Ты что? – спросил он.

– Ничего. Иди за мной, – Ивлев пошел за клуб – от света. Чернявый – за ним.

«Посмотрим», – зло, упорно думал Петр. Его взбесило упрямство Ольги.

Он слышал, что сзади, с чернявым вместе, идут еще двое.

Шли долго – подальше от людей. Петр шагал не разбирая дороги. Он понимал, что трое могут всыпать ему, но остановить его это не могло – Ольга стояла в глазах.

Перелезли через прясло в чей-то огород. Зашуршала под ногами картофельная ботва.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
«Хватит», – решил Петр.

– Иди, иди, – с дрожью в голосе сказал чернявый и толкнул его в спину.

– Ударить сзади – изувечу насмерть, – предупредил Петр. Его слегка начало трясти.

Неожиданно тишину ночи просверлил противный милицейский свисток: их догоняли.

Все четверо остановились.

– Милиция, – сказал один из парней. – Все. Свадьбы не будет, – сказал как будто даже с облегчением – слишком уж нехорошо и решительно был настроен Петр.

Подошел милиционер.

– Ну-ка, кончайте канитель! Давайте, давайте... Давайте разойдемся.

Чернявый и два его товарища ушли.

Петр закурил с милиционером (милиционер был молодой парень).

– Влюбился, что ли? Мне сказали...

– Влюбился, – честно сказал Петр.

– Н-да... Интересно, между прочим: когда влюбляются, малость дураками делаются. Другой бы подумал; куда к черту – одному на троих? А тебя понесло, – вышли из огорода, направились к клубу. – Я по себе погонюсь: я, значит, когда влюбился, – а она за рекой жила, жена-то моя теперь, – дак я ночью к ней через реку плавал. А ночь! Вода холодная – сведет судорога, и все, конец. Нет – плыл, дурачина!

– Она где живет, не знаешь? – спросил Петр.

– Кто?

– Эта... Ну, эта!..

– Она – там, – неопределенно сказал милиционер. Помолчал и добавил: – Мой тебе совет: отстань от нее.

– Почему?

– По-моему... черт ее знает, конечно, но, по-моему, она... это... того. Я уж со вторым ее здесь замечаю. До черненького еще один был. Тот уехал чего-то. Красивая, конечно... А они все красивые – балованные. Измучаешься с такой: пойдешь куда-нибудь – вся душа изболит. На ее же оглядываются! Тут нервы да нервы надо. Каждый раз драться не полезешь...

– Она откуда?

– Секретарша, однако... С учреждения какого-то. А откуда – не знаю. У нас тут чуть не со всего света. Понаедут, все молодые, – конечно, порядка не будет.

– А живет где? – снова спросил Петр.

– Там... у одной старухи. Возле сельмага. Ты не затевай ничего, а то мне и так третьего дня выговор сунули: «Следи!..» Уследишь за вами.

– Нет, я просто так спросил.

У клуба уже никого не было. Разошлись.

Петр попрощался с милиционером, пошел домой. Отошел метров двадцать, подождал, когда милиционер повернул в темный переулок, и скорым шагом направился к сельмагу. Шел и думал: «Что я делаю?» Хотелось еще раз увидеть Ольгу: Это было выше сил.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
И вдруг он их встретил.

Чернявый шел в обнимку с Ольгой, что-то негромко рассказывая. Ольга молчала.

Ивлев первый узнал их – по голосу чернявого. Загородил дорогу. Ольга испуганно вскрикнула, а ее кавалер ошалело уставился на своего недруга.

– Мне надо поговорить с тобой, – сказал Петр, в упор глядя на Ольгу.

Она молча обошла его и стала быстро удаляться. Чернявый не знал, что делать: догонять ее или оставаться с Ивлевым выяснять отношения.

– Как ее зовут, слушай? – спросил Петр.

Тот молчал.

Петр пошел за Ольгой.

Чернявый догнал его, схватил сзади за ворот... Петр обернулся, и чернявый отскочил – уверенность покинула его. Страшное упорство незнакомого парня действительно могло испугать. Наверно, потому же уходила и Ольга – напугалась.

Петр догонял ее.

Чернявый некоторое время шел за ними. Петр на ходу вывернул кол из плетня; чернявый отстал.

Сердце Петра колотилось где-то в горле; впереди, недалеко, белела кофта Ольги. Петр догнал ее.

– Подожди!.. Не бойся ты меня.

– Что тебе нужно? – Ольга сбавила шаг.

– Слушай... – Ивлев взял ее за руку, остановил. – Почему ты не хочешь даже поговорить со мной? Я же не бандит какой-нибудь... Я сам не знаю, что со мной творится.

Ольга некоторое время молчала. Руки не отняла.

– Тебя ведь избьют сейчас, – сказала она.

– Пусть. Не избьют...

– Они придут сейчас...

– Как зовут тебя?

– Станный человек! – опять любопытство появилось в ее глазах, только теперь внимательное, серьезное. – Непонятный.

– Влюбился, – сказал Петр. – Никогда так не было...

Ольга засмеялась.

– Кто же так делает, дурной?

– Как?

– Так... Я ведь тоже человек.

– А как надо?

Ольга пожала плечами.

– Ты даже не знаешь, как зовут меня. И уж в любви объясняешься...

В улице раздался топот нескольких пар ног.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Беги! – негромко сказала Ольга. Вырвала руку и быстро пошла. Обернулась, еще раз сказала: – Уходи!

Первым бежал чернявый..

Сошлись сразу. Молча с чернявым были те двое. У всех колья. Петр не успел бросить свой – забыл.

...Удары звучали мягко, тупо. Сопели, кхэкали, негромко ругались... Петр крутился меж трех колов. Доставал своим то одного, то другого, то третьего. Чаще попадало чернявому. Не заметил Петр, кто из троих изловчился и тяпнул его по голове. В глазах лопнул и рассыпался искрами огненный шар. Петр враз оглох, выронил кол и, схватившись за голову, боком стал садиться на дорогу. Его оттащили к плетню и ушли, сморкаясь и отхаркиваясь.

Очнулся Петр глубокой ночью. Долго припоминал, где он и что произошло. Голову раскалывала страшная боль. Даже тошнило от боли. Он с трудом приподнялся, сел, привалился спиной к плетню. И вдруг все вспомнил... Вспомнил, как держал Ольгу за руку, как она засмеялась и сказала: «Кто же так делает, дурной?» Вспомнил и троих с кольями.

«Крепко угостили».

Вдруг он увидел – невдалеке замаячила знакомая белая кофточка. Ольга осторожно шла вдоль плетня.

Петр притаился зачем-то. И в эти несколько минут, пока она, не видя его, шла к нему, он, как в миг губительной опасности, вспомнил разом всю свою не такую уж долгую жизнь, все мечты свои. И с великим облегчением подумал: «Теперь будет все хорошо».

– Я здесь, – сказал он.

Ольга вздрогнула, схватилась за сердце.

– Ох... ты?

– Иди, сядь со мной.

– Избили, – в голосе Ольги была неподдельная жалость. Она села рядом. На Петра пахло странно знакомым и родным теплом – легко сделалось, даже боль в голове унялась. – Говорила ведь – не послушал.

– Завтра мы уедем отсюда.

Ольга всмотрелась в него.

– Что? – спросил он.

– Посмотрим, – она бережно обняла его, погладила ладошкой избитую голову. – Сильно побили-то?

– Ничего, – сказал он. – Пройдет.

...На третий день они уехали из деревни.

И началась эта новая жизнь.

Ивлев переехал в город, где работала Ольга. Он устроился на стройку, в бригаду отделочников.

Сняли на краю города квартиру в частном доме – полдома... И пошли кривляться неопрятные, бессмысленные дни и ночи. Точно злой ветер подхватил Ивлева и поволок по земле.

Кого только не видел он вечерами в своей квартире! Какие-то неприятные молодые люди с обсосанными лицами, с жиденьким нахальным блеском в глазах, какие-то

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru девицы в тесных юбках. Девицы садились с ногами на диван и мучили Ивлева белыми тупыми коленками. Приходили полуграмотные дяди с красными лицами, беззаботно похохатывали... Эти, кажется, где-то что-то приворовывали, перепродавали с помощью молодых – денег было много. Часто пили дорогой коньяк, шампанское. Молодые были модно одеты, ужасно много болтали: про общих знакомых, про фильмы, про певцов и певиц... Приносили магнитные пленки с записями, и тогда в квартире визжало, мяукало, стонало, выло. Молодые с удовольствием слушали. Ивлев подозревал, что они притворяются. Много острили, смеялись. Чем они занимались, он так и не узнал до конца. Некоторые, кажется, учились, другие, как Ольга, работали. Где? – черт их разберет. О работе не говорили. Дяди налегали на коньячок, заигрывали с девушками.

Сперва Петр удивлялся – не знал он, что так тоже можно жить. Потом душа его глубоко возмущалась.

Между ним и этими людьми завязалась глухая, нешуточная война.

Началось со свадьбы.

Грянула она, крикливая, через неделю после того, как они приехали.

Много пили. Упившись, завывали иностранные песни и, потные, развинченные, взявшись за руки, пели хором:

Лиза-Лиза-Лизавета,
Я люблю тебя за это.
И за это, и за то –
Вот и боле ничего!

Некто пьяный, с голубыми вылинявшими глазами, все пытался бить посуду. Его держали за руки и объясняли:

– Нельзя! Не-льзя, понял?

Пышногрудая девица переплясала трех парней, вышла на четвертого и свалилась. Хохот, визг... А девица – лежит. Поняли: с ней плохо. Вынесли в сени на свежий воздух.

То в одном углу, то в другом начинали громко выяснять отношения и пытались драться.

Ольга и в этой пьяной, безобразной хляби оставалась красивой. Распустила по плечам тяжелые волосы, засучила рукава кофты и, улыбаясь, ходила среди гостей, дурачилась. Ей вроде нравилась эта кутерьма. Когда она плясала, то так бессовестно и с таким искусством играла крупным телом своим, что у видавших виды молокососов деревенели от напряжения лица. Петр в такие минуты особенно жгуче любил ее и ненавидел.

Кряжистый дядя, по фамилии Шкурупий («Шкура» – называли его), пьяный меньше других, хитрый и умный, постучал вилкой по графину.

– Ти-ха! Сичас жених споет нам! Просим!

Откуда он, паразит, взял, что жених поет? Может, решил просто поиздеваться?

На жениха вообще-то не обращали внимания, не замечали. А тут посмотри – действительно, сидит жених.

– Давай!.. Але! Женихало петь будет, хэх!..

Кто-то не понял, в чем дело, заорал:

– Горька-а!

Кто-то продекламировал:

Вот моя деревня,
Вот мой дом родной!..

– Да ти-ха! – опять закричал Шкурупий. – Просим жениха!

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Когда так заорали, Петр заметно побледнел и, стиснув зубы, сидел и смотрел на всех злыми глазами.

– Жених, дэва-ай! – стонала своенравная свадьба.

Ольга посмотрела на мужа, подошла к нему, положила на плечо тяжелую горячую руку, сказала требовательно:

– Спой, Петя, – как кипятком ошпарила

– Перестань, – негромко сказал он.

Человек с вылинявшими глазами пробрался к ним, облапил Петра сзади и, обдавая теплым перегаром, заговорил:

– Есенина знаешь? Спой Есенина, – и крикнул всем: – Вы, щас – Есенина!

Его не услышали.

Петр сшиб с себя руки пьяного, встал и пошел на улицу.

Был тусклый поздний вечер, задумчивый, не по-осеннему теплый. Кропотливо, въедливо доделывала свое дело осень. Это – двадцать пятая в жизни Петра Ивлева, самая нелепая и желанная.

Он ушел в дальний конец двора, сел на бревно, уперся локтями в колени, задумался... Собственно, дум никаких не было, была удушающая ненависть к людям, визг, суетню и топот которых он слышал и здесь.

Из дома кто-то вышел. Петр вгляделся, узнал Ольгу, позвал.

Ольга подошла, села на корточки перед ним.

– Ну что?

– Этот бардак надо разогнать, – сказал Петр. – Пусть догуляют сегодня и забудут сюда дорогу.

Ольга ответила не сразу.

– Мне весело с ними, – сказала нехотя.

– Неправда. Ты просто... от скуки.

Ольга опять долго молчала.

– С тобой-то разве веселее, Петя? Нет.

Петра передернуло от ее слов.

– Правда, что ли?

– Правда.

– Хм... – он не знал, что говорить. Решил быть тоже спокойным. – Неделю прожили... и уже? Месяц-то протянем?

– Не знаю, – Ольга говорила серьезно, трезво.

Петра слегка начало трясти. Хмель, какой был, вылетел из головы: спокойствие Ольги было неподдельно.

– Ты что говоришь-то? Ты думаешь?

Ольга вздохнула, положила голову ему на колени, сказала, как говорят прочувствованное:

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Опротивело все. Никого я не люблю, и ничего не хочу... Плевать на все. Не могу любить. Думала, сумею, – нет.

Петр вконец растерялся.

– Выпила лишнего. Я сейчас пойду выгоню всех, ты ляжешь и отдохнешь... Надо отдохнуть, – говорил и сам понимал: не то.

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Я устала.

«От чего?» – изумился про себя Петр, но сказать это вслух не решился. Подумал про тех, в доме: – Довели они ее, сволочи, закружили».

– Побудь здесь, я сейчас приду.

– Куда ты?

– Спичек нет, пойду прикурю.

Ольга села на бревно, тоже склонилась, сказала негромко, с грустью:

– Не шей ты мне, матушка... Не надо...

Ивлев вошел в дом.

– Так! – громко обратился он ко всем. – Собирайте шмотки и вытряхивайтесь отсюда!

Те, кто услышал это, остановились, замолчали, с интересом смотрели на него.

– Я кому сказал?! – заорал Ивлев. – Марш отсюда! И больше чтоб ни одна сволочь не появлялась здесь!

Теперь его слушали все. Прямо перед ним стоял без пиджака человек с вылинявшими глазами.

– Ты на кого это, сопля, голос повысил? – спросил он довольно трезво. – А? Вошь, ты на кого орешь? Ты чье сегодня жрал-пил? А?

– Семен! – предостерегающе сказал Шкурупий.

Семен двинулся на Ивлева.

– Ты на кого голос повысил?!

Петр, не дожидаясь, когда набычившийся Семен кинется на него, сам выступил вперед и хлестко дал ему в челюсть. Семен, взмахнув руками, мешком стал падать. Его подхватили. И сразу, как по команде, на Ивлева бросились четверо. Так дружно кидаются на постороннего, на чужого в своем пиру. Ивлев отпрыгнул в сторону, сорвал со стены ружье, взвел курки...

– Постреляю всех, гадов, – сказал негромко.

Четверо наскочивших попятились от ружья. Зато Семен, очухавшись от удара, опять полез на хозяина. Его схватил сзади Шкурупий... Семен стал вырываться, Шкурупий отпустил его и, развернувшись, ахнул кулаком по морде. Семен рухнул на пол, как куль с овсом.

– Пошли. Действительно поздно уже, – спокойно сказал Шкурупий, глядя на Ивлева маленькими пронзительными глазами. – Спасибо, хозяин, за угощение.

«Этот припомнит мне», – подумал Петр.

Пока разбирались с одеждой, пока одевались, он стоял в стороне с ружьем,

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru караулил движения парней. Кто-то хихикнул и сказал негромко:

– Весело было нам.

И тут вошла Ольга. Остановилась на пороге, пораженная диковинной сценой. Посмотрела на Петра, ничего не сказала, только прищурила глаза. Тоже оделась и ушла вместе со всеми. Случилось все это как-то поразительно быстро.

Потянулась бесконечная ночь. Петр сперва ходил по комнате, мычал от бессильной ярости, думал:

«Придешь, никуда не денешься. Подумаешь – обидел сволочей».

Потом стало невмоготу. Сел к столу, начал пить. Но сколько ни пил – не брало. Только на душе становилось еще муторнее. Он выругался, встал и опять начал ходить.

«Неужели совсем ушла?»

Взял ружье, заглянул в казенник – пусто. Знали бы об этом парни давеча. Полез под кровать – там в чемодане хранились патроны. Достал их, зарядил оба ствола.

– Ну и что? – спросил сам себя, остановившись посреди комнаты.

В сенях послышалась какая-то возня. Петра как током дернуло... Выскочил из комнаты – стоит та самая девица, с которой давеча стало плохо. Шарит руками по стенке – ищет дверь.

Петр прислонился спиной к косяку, уставился на нее.

– Что? – спросила девица.

– Очухалась?

– А где все?

– Ушли. Крепко ухлесталась, сердешная.

Девица прошла в комнату, оглядела себя при свете.

– Все ушли?

– Все.

Петр повесил ружье на место; тут только девица обратила внимание, что хозяин стоял с ружьем. Вопросительно посмотрела на него.

– Похмелиться хочешь? – спросил Петр; ему стало легче – хоть одна живая душа есть. – Голова-то болит небось?

– Ты что, стреляться хотел?

Петр налил ей коньяку. Себе тоже.

– Давай.

– Что-нибудь случилось? – спросила девица.

– Нет.

– Драка была?

– Да нет, ну ты к дьяволу! Не знаю я ничего, сам пьяный был.

Девица выпила, сморщилась, закрутила головой. Петр сунул ей лимон, она оттолкнула его.

– Дай закурить лучше.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Эхх!.. – не вытерпел Ивлев. – Бить тебя некому! Девушка..

Девушка прикурила, затянулась несколько раз, глубоко вздохнула и сказала облегченно:

– Вот... – села на стул.

– Неужели не стыдно так жить? – спросил Петр. – Или тут уж про совесть говорить не приходится?

Девушка посмотрела на него, как на стенку, безучастно.

– Думаешь, Ольга тебя любит? – спросила. Улыбнулась – губы припухшие, чувственные; осоловевшие глаза поражают покоем и покорностью. Красивая вообще-то. – Можешь не волноваться – не любит.

– Заразы вы! – с дрожью в голосе громко сказал Ивлев. Сорвался с места, заходил по комнате. – Поганки на земле, вот вы кто! – остановился перед девушкой, стиснул кулаки в карманах, чтобы унять дрожь. – Шелк натянула! Ногами дрыгать научилась?.. – дрожь не унималась; Ивлев побледнел от ярости и обиды, но слов – убийственных, разящих – не находил. – Что поняли в жизни?.. Жрать! Пить! Ложиться под кого попало!.. Сволочи, – он сразу устал – понял: ничего не доказать.

Девушка презрительно смотрела на него. Усмехнулась.

– Ольгу не лапайте! – опять взвился Ивлев. – Она вам не пара! Я вас отважу от нее.

– Посмотрим.

– Я вас каленым железом выжгу из города. Вы же воруете, гады, я же знаю. Эти, мордастые, воруют, а вы сбываете. Скоро эта лавочка закроется.

– Сколько времени сейчас? – спросила девушка.

– Не знаю. Утро, – Ивлев кивнул на окно – на улице светало.

– Ольга с ними ушла?

Петр не ответил, взял свою рюмку, выпил. Напомнили об Ольге, и опять заняла душа.

Девушка поднялась, поправила волосы, нашла на кровати свою шляпку, плащ.. Остановилась на пороге перед тем, как выйти.

– Насчет лавочки... – это доказать надо, а то...

– А то что?

– Ничего. Нечего зря на людей говорить.

– А я не говорю на людей, я на паразитов говорю.

– Вот так. А то быстро заткнут рот.

– Иди отсюда, – негромко, сквозь зубы сказал Ивлев. – Пошла – иди.

Девушка ушла.

Ольга пришла на другой день к вечеру.

Петр прибрал в комнатах, перемыл посуду, выветрил тяжкий запах попойки... Сидел у окна, положив подбородок на кулаки, смотрел на улицу – ждал жену. Он ждал ее весь день. Утром сходил на стройку, отпросился у бригадира, пришел и сел ждать.

Ольга вошла тихонько... Дверь на улицу была открыта. Петр не слышал, как она вошла

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Она кашлянула. Петр вздрогнул, оглянулся... С минуту, наверно, смотрели друг на друга.

– Ну? – спросил Петр.

– Что?

– Нагулялась?

Он встал, подошел к жене, взял в руки ее голову, жадно поцеловал в мягкие губы... Она стояла покорная, смотрела на мужа с вялым любопытством.

– Где была-то?

– Там, – кивнула она. – Петя... Мне почему-то страшно жить. Не страшно, а тяжело как-то.

– Устала просто. Это – психика, – авторитетно сказал Ивлев. – Надо отдохнуть, и все пройдет.

– Как отдохнуть?

– Так. Спокойно пожить, не дергаться, не беситься до утра.

– Спокойно – значит, скучно. Не хочу.

– Сядем потолкуем, – предложил Петр. – Поесть хочешь?

– Петя, ты, наверно, хороший парень, тебе, наверно, нужна хорошая жена...

– Перестань, завела панихиду какую-то. Сядь, – Ивлев посадил ее на кровать, а сам стал ходить. – Ты малость не так начала жить, – заговорил он уверенно. – Я тебя хорошо понимаю. Бывает так: идешь где-нибудь – в лесу или в поле, доходишь до такого места, где дорога расходится на две. А места незнакомые. По какой идти – неизвестно. А идти надо. И до того тяжело это – выбирать, аж сердце заболит. И потом, когда уж идешь, и то болит. Думаешь: «А правильно? Может, не сюда надо было?» Так и в жизни, по-моему, надо дорогу знать...

– Ты знаешь?

– Я?.. – Петр никогда не думал так о себе: знает он или не знает. – Я одно знаю: ты поворачиваешь не туда.

– Господи, какой умница: туда, не туда... А куда надо, скажи? – Ольга прилегла на подушку, закрыла глаза.

Петр минуты две ходил по комнате, молчал. Собирался с мыслями. Он понимал, что разговор важный.

– Эти... друзья твои... я их не виню, – осторожно заговорил он. – Бывает – сами по себе хорошие люди, но запутались и других пугают. Они научат...

– Я старше их... Больше видела. В свое время газеты читала...

– Это неважно. Я докажу что они запутались. Первое: они ни черта не делают. Как так можно? Да возьми ты, к примеру, первобытное общество – там же все работали! А кто не работал, тому голову разбивали дубиной.

– Мы не в первобытном обществе, – нехотя возразила Ольга.

– Тем более!

– Как это ничего не делают? Одни учатся, другие работают... А время проводят, как хотят, никому до этого нет дела.

– Они воруют! – сорвался на крик Ивлев, но взял себя в руки. – Работают... Где это можно так работать, чтобы коньяк чуть не каждый день пить? Иди поинтересуйся: часто рабочий человек коньяк пьет?

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Голову на плечах надо иметь.

– А у меня что, тыква? Чем я хуже их?! Я вот с таких лет работаю...

– Ну и работай. От каждого – по потребности. Чего ты обижаешься? – Ольга, кажется, нарочно злила мужа и сама начинала злиться. – Ты – рабочий, гордись этим. А они – хлюпики, стилиаги... Чего они тебя волнуют?

Петру вспомнились нарядные, нагловатые парни, ленивые улыбки их... И ярость опять охватила его.

– Они народ обворовывают! Работают! Вижу я, как они работают. Подружка твоя учится?! Она что, знать больше хочет?! Ей, гадине, лишь бы диплом получить да сесть на шею кому-нибудь... Думаешь, это интеллигенты?

– Сволочь ты, – откровенно зло и резко сказала Ольга. Села, посмотрела на мужа уничтожающим взглядом. – Верно сказал: тыква у тебя на плечах. Чего ты на людей налетел? Научился топором махать – делай свое дело.

Этот отпор Ольги был так неожидан, что Ивлев сперва растерялся. Молчал.

Ольга встала с кровати, мельком оглядела комнату.

– Я ухожу. Совсем. Люди, о которых ты говоришь, – не такие уж хорошие. Никто не обманывается, и они сами тоже. А ты – дурак. Загнали тебя на «правильную дорогу» – шагай и помалкивай. Кто тебе дал право совать нос в чужие дела?

Точно гвозди вколачивали в голову Ивлева.

«Сейчас ударю», – подумал он и не двинулся с места, слушал слова, от которых у него, казалось, распухали уши.

– Чем ты лучше этих людей? Они умнее тебя, честнее, если хочешь знать. Сознательный... Если тебе за твою работу дадут в два раза больше, ты половину отдашь народу? Трепач... Я думала, ты парень... мужчина... Сопляк. Научили десять слов говорить – живи с этим, хватит. В первобытном обществе и этого не знали. Прощай, – Ольга направилась к выходу.

Ивлев подошел к двери, толкнул жену на кровать.

– Сядь. Объясни мне, я не могу понять: неужели...

Она встала и пошла грудью вперед.

– Уйди. Прочь! – глаза совсем чужие. Ненавидящие.

Петр опять толчком посадил ее. Она встала и опять пошла...

Трижды сказала:

– Прочь с дороги! Вон! Ненавижу тебя!

«Все», – понял Ивлев.

Ольга вышла.

Больно стало Ивлеву, так больно!.. Показалось: не хватит сил превозмочь эту боль.

Ольга не пришла на другой день. Не пришла она и на третий, и на четвертый. Петр ждал ее вечерами, она не шла.

На пятый день вместо нее пришла с чемоданом та самая девица, с которой Ивлев беседовал после свадьбы.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Здравствуйте, – вежливо сказала она.

Петра удивила такая ее вежливость.

– Здравствуй, – он приготовился услышать что-нибудь о жене. «Мириться, наверно, хочет. Слава те, господи».

– Ольга попросила взять кое-какие ее вещи. Нужно...

– Пусть сама придет.

– Она не придет никогда.

У Ивлева упало сердце.

– Тогда ничего не получите, – сказал и сам не понял: зачем?

Девушка уставилась на него укоряющим взглядом.

– Как не стыдно...

– Нет, это вам как не стыдно?! Сбили человека с панталыку да еще вякаете, приходите! Закрой дверь с той стороны.

Помолчали.

«Зря разоряюсь, – подумал Ивлев. – Кому доказываю?»

– Забирай, что надо, и уходи.

– Я только попрошу на минуту выйти.

– Зачем?

– Нужно... Я буду женские вещи брать.

– Ну и бери, что ты пионерку из себя строишь? Юбки, что ли, бюстгалтеры? Забирай, не стесняйся – я это видел.

– Все равно... Я прошу выйти, – уперлась на своем девушка.

Ивлева кольнула догадка: «А юбки ли ей нужны-то? Может, вовсе не юбки?»

– Бери при мне.

– Нет.

– Тогда будь здорова.

– Как не совестно!

– Ты только насчет совести... не надо, слушай.

– Выйди на пять минут. Неужели трудно?

– Трудно.

«Не за юбками ты пришла, милая, нет. За чем-то другим».

– Не выйдешь?

– Не выйду.

– Но я прошу... как мужчине, как джентльмена.

– Я же – «дьявня», я этого не понимаю.

– Скотина, – девушка повернулась и вышла, крепко хлопнув дверью.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Ивлев принялся искать то, за чем приходила нарочная. И сразу почти нашел: в диване, под сиденьем, лежали заготовки для женских туфель. Пар на двадцать. Ивлев долго перебирал в руках это богатство. Хром был высокого качества, светло-коричневый, мастерской выделки.

«Сапожники, – ядовито думал Ивлев. – Я вам устрою». Об Ольге, что она причастна к воровским делам, он почему-то не подумал. Напротив, захотелось скорей доказать ей, ткнуть носом: вот они, твои хорошие, умные!

Он собрал весь материал в вещмешок, дождался, когда на улице малость стемнеет, и пошел с мешком в милицию.

– Мне нужен начальник, – заявил он дежурному офицеру.

– Зачем?

– Ему скажу. Лично.

– Говорите мне, какая разница? – обиделся офицер. – В чем дело-то?

– Я сказал: буду говорить только с начальником.

– Его нет сейчас.

– Тогда я завтра приду.

– Подождите... Дело-то важное?

– В общем... не маленькое.

– Сейчас вызову, посидите.

– Хорошо.

Начальник пришел скоро. Вошел с Ивлевым в свой кабинет, присел на стол, посмотрел на мешок.

«Тоже работка у них, – невольно подумал Петр, вытряхивая на пол содержимое мешка. – Телевизор, наверно, дома смотрел, а тут – хошь не хошь – иди».

– Что это? – спросил начальник. Наклонился, взял пару заготовок, помял в руках. – Хорош!

– Высший сорт. Для заграницы, наверно.

Начальник кивнул головой.

– Ну, а в чем дело-то?

– Ворованное, – пояснил Ивлев. – Дома у себя нашел.

– Подробней немного.

Ивлев подробно все рассказал, назвал фамилии, какие знал.

– А жена, думаешь, не причастна?

– Нет, уверен. Просто прятали у нее, она не знала.

– Н-да-а, – начальник долго смотрел в окно. – Ну ладно. Спасибо. Не боишься?

– Чего?

– Ну... могут ведь прийти за этим, – начальник показал глазами на товар. – Такими кусками не бросаются.

– Ничего.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Вызывать будем...
- Понимаю.

Недели через две тугой узелок подпольных делишек развязали. Собственно, это был не узелок, а большой, довольно крепко запутанный узел.

Ивлева раза три вызывали к следователю. Один раз он встретил там Шкурупия. Тот нисколько не изменился, смотрел маленькими умными глазками спокойно, даже весело.

«Крепкий, черт», – подумал Петр.

Шкурупий обрадовался, увидев Ивлева.

– Вот! Пусть он подтвердит! – воскликнул он, показывая на Петра пальцем. – Помнишь, я на вашей свадьбе ударил одного? Он еще полез на тебя драться... Семен-то!

– Ну, – Петр хорошо помнил и Семена и то, как Шкурупий ударил его.

– Так он теперь все на меня валит. Ты ж понимаешь!.. Гад какой – мстит!

Ивлев посмотрел на следователя. Тот рылся в бумагах, слушая Шкурупия, чуть заметно улыбался.

– Часто вы видели у себя дома этого человека? – спросил он Ивлева.

– Раза четыре.

– Он ничего не приносил с собой? Или, может, уносил...

– Что он, дурак, что ли, при мне приносить.

– Он действительно ударил Семена?

– Да.

– За что?

– Ну, тот развозился... хотел действительно кинуться на меня...

– А чем вы объясняете такое заступничество?

Ивлева стали раздражать вопросы следователя.

– Просто он боялся лишнего шума, неужели не ясно?

Шкурупий угрожающе посмотрел на Ивлева. Того этот взгляд обозлил.

– По-моему ты у них главный был, – сказал он, глядя на Шкурупия. – Хочешь на Семене отыгаться?

Шкурупий только хмыкнул, покачал головой.

– На самом деле ни за что посадят... От народ!

– Уведите, – велел следователь милиционеру.

Шкурупия увели.

Следователь нахмурился, долго копался в бумагах.

– Мне надо сказать вам...

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ивлев похолодел от недоброго предчувствия.

– Что?

– Жена ваша тоже замешана.

– Да что вы!

– Да.

– И она... сидит сейчас?

– Нет, она пока не сидит. Сидят вот такие, вроде Шкурупия.

– Как же это так-то? – Ивлев расстегнул ворот рубахи. – Как же так?

– Пугаться не надо, – успокоил следователь. – Преступление не такое уж... – он показал рукой, – не очень большое. Хранение, перепродажа...

Ивлев налил из графина воды, напился. Глубоко вздохнул.

– Черт возьми!.. Никак не верится. Она тоже продавала?

– Хранила ворованное.

– Так она же не знала! Я сразу говорил...

– Знала.

– Вот это номер...

– Зайдите к начальнику, он просил.

Ивлев прошел в кабинет начальника милиции.

– Узнал? – спросил тот, увидев взволнованного Ивлева. – Садись.

– Может, она врет? Чтобы тех выгородить. А? Она такая – на себя...

– Нет, не врет.

– Сроду не думал.

– Если б думал, не сообщил бы?

Ивлев помолчал и сказал честно:

– Нет.

Начальник кивнул головой.

– Ты сам откуда?

– Из-под Барнаула... За хранение ворованного что бывает?

– Тюрьма.

– Значит, посадят?

– А как же?

– И сколько дадут?

– Немного, наверно... Для первого раза.

«Все. В тюрьме она окончательно свихнется, – думал Петр. – Сам в яму толкнул».

– А ничего нельзя сделать?

Начальник прикурил от зажигалки.

– А что можно сделать?

– Черт возьми совсем! – Ивлев тоже достал папиросы. – Испортится она там.

– Ну... это напрасно. Ты где работаешь?

– В СМУ-5.

Помолчали. Начальник задумчиво смотрел в окно, трогал пальцами гладко выбритый подбородок.

– Знакомые есть в городе?

– Нет. А что?

– Так... – начальник поднялся. – До свиданья. Если почувствуешь, что... следят... следит кто-нибудь – сразу скажи. Могут попытаться отомстить. С женой... тут сам решай. Лучше всего бы уехать сейчас отсюда. А если захочешь найти потом – найдешь, поможем. Как считаешь?

– Никак не считаю: все из головы вылетело. Я думал, она не виновата. Нет, пока не уеду, – Ивлев встал. – До свиданья.

– Будь здоров.

Ивлев вышел из милиции... Остановился, долго соображал: что делать? Из головы все вылетело. Пусто.

«Что делать? Что делать?» – терзал он себя. Шел, как ночью: ждал, что сейчас оборвется и будет долго падать в черную какую-то, гулкую яму. «Нет Ольги. И не будет. В тюрьме». От этой мерзкой мысли хотелось завывать.

Дома в двери нашел записку:

«Не радуйся сильно, свое получишь. Скрываться бесполезно – смерть будет тяжелее».

«В смерть балуются, – равнодушно подумал Петр. – Всякая гнида хочет быть вошью».

В комнатах холодно, пусто... Петр включил свет, не раздеваясь лег на кровать лицом вниз. Подумал, что надо бы запереться, но лень было вставать. Страх не было.

«Пусть приходят. Пусть казнят».

Захотел представить человека – автора записки. Всплыло лицо, похожее на лицо Шкурупия.

«Посадить тебя, паскуда, задом в навоз и забивать осиновым колом слова твои обратно тебе в глотку. Чоб ты наелся ими досыта и никогда больше не выговорил».

Опять потянулась бесконечная ночь. Часа в два Петр встал, нашел письма к Ольге с родины, списал адрес и составил телеграмму ее отцу. Он знал только, что отец работает председателем колхоза.

«Срочно вылетайте помочь Ольге». Подпись: «Ивлев».

И стал ждать утра. Ходил по комнате, вспоминал свою жизнь. Вспомнил почему-то, как пацаном возил копны и его однажды растрепала лошадь. То ли укусил ее кто, то ли испугалась чего – черт ее знает: вырвала из его слабых рученок повод и понесла. За ним на другой лошади летел старик стогоправ, не мог догнать взбесившуюся кобылу, кричал сзади: «Держись за гриву, Петька! Крепче держись – не отпускайся!» А его тогда – он помнил – подмывала от страха мысль: «Может, лучше самому упасть, чем ждать?» Но старик кричал: «Держись, Петька! Она счас пристанет!» Действительно, кобыла скоро выдохлась и стала. Эх, старик, старик...

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
За окнами стало светать.

Через три дня прилетел отец Ольги.

Петр шел с работы, увидел на крыльце своего дома незнакомого пожилого человека. Он догадался, кто это.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Я – отец Ольги, Павел Николаевич.

– Я понял. Сейчас все расскажу, – Петр отомкнул замок, пропустил вперед Фонякина.

– Ну? – глаза Фонякина покраснели от бессонницы. – Что?

– Ольга спуталась здесь с плохими людьми... В общем, ей грозит тюрьма.

Фонякин болезненно сморщился.

– Что они делали... люди-то?

– Воровали. Ворованное хранилось у Ольги.

Левый уголок рта Фонякина нервно дергался, он прикусил папироску зубами.

– Ты – муж ее, насколько понимаю?

– Да.

Разговаривали стоя.

– Как же ты допустил?

– Я не знал ничего. Она до меня была знакома с ними.

– Сейчас где она? Сидит?

– Нет. Но я не знаю, где. Она... ушла из дома. Можно в милиции узнать.

– Пойдем в милицию.

Почти всю дорогу молчали. У самого входа Петр тронул Фонякина за руку, остановил. Сказал, глядя ему в глаза:

– Как-нибудь отведите ее от тюрьмы. Она пропадет там.

Фонякин смотрел на зятя устало и внимательно.

– Как вы жили-то с ней? Долго?

– Плохо жили.

Фонякин отвернулся. Десять лет назад он отправил дочь учиться в город, в институт. Через полтора года она сообщила, что вышла замуж. Потом написала – разошлись. Потом бросила институт, приехала домой. Пожила с год, ничего не делая, уехала снова в город. Опять вышла замуж. За какого-то талантливого ученого. И снова – не то, развод. Писала, что работает, денег не просила. Все это, вся ее скособоченная жизнь убивали его; что мог, он скрывал от людей. И вот – тюрьма. И какой-то новый ее муж перед ним...

– Телеграмму-то раньше надо было дать.

– Я не думал, что так обернется.

– Пошли. Наколбасили вы тут... черт вас возьми.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

К начальнику Фонякин вошел один, Ивлев сел на диван и стал ждать.

Ждать пришлось долго.

Наконец Фонякин вышел... Увидел Ивлева, подошел, сел рядом.

– Ну?

– Плохо, – тихо сказал Фонякин.

– Я тоже зайду к нему. Подождите.

Фонякин молча кивнул. Уходя, Петр увидел, как он опять поморщился и потрогал под пиджаком левую сторону груди.

– Подожди-ка!.. Я сейчас пойду к ней, а ночевать приду к тебе, – сказал он, вставая.

– Найдете? Мой дом-то...

– Найду.

Ивлев вошел к начальнику.

– Отца ты вызвал? – спросил он сухо.

– Я.

– Для чего? Пожилого человека... Я же объяснил: сделать ничего нельзя.

– А что тут такого? Он отец.

– Он больной, из больницы раньше времени выписался.

– Я не знал этого.

– Сделать ничего нельзя. Объясни ему, а то он хлопотать кинется – совсем доконает себя. Написать сперва надо было...

Зазвонил телефон. Начальник взял трубку.

– До свиданья, – зло сказал Петр.

Начальник кивнул.

Ивлев пошел домой.

Фонякин пришел поздно. Печальный.

– Вот так, – сказал он. – Дай умыться. Упал у вас во дворе...

Ивлев налил воды в рукомойник, подал полотенце. Очень хотелось спросить об Ольге – как она? Фонякин будто подслушал его мысли.

– Что о жене-то не спросишь?

– Как она?

– Вы разошлись, оказывается?

«Уеду к чертовой матери из этого города», – решил вдруг Ивлев.

– Я думал, она еще вернется, – сказал он.

Фонякин вздохнул, промолчал.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ужинать будете?

– Я бы выпил сейчас от всех этих хороших дел. Можно достать?

– У меня есть.

..Сидели за столом, молчали. Выпили по рюмке – и молчали. Все было ясно.

На улице сеялся поздний осенний дождик. Уныло шуршало за окнами. Далеко-далеко свистели паровозные гудки, навевая грустные мысли.

«Уеду», – думал Петр.

– Ты здешний? – спросил Фонякин.

– Нет.

– Откуда?

– Тоже из Сибири.

– А как сюда попал?

– Служил здесь... Недалеко.

– А родители в Сибири?

– У меня нет их. Померли. Тетка там.

Фонякин еще налил по полрюмке коньяку.

– Неужели нельзя было раньше разогнать эту свору? – тихо спросил он. – Уехали бы куда-нибудь, что ли. Увез бы ее... – Фонякину было горько. И Ивлеву тоже сделалось горько, и досада взяла

– Послушалась бы она меня!

– Ты муж был! Как же ты мог допустить до этого?

– А как вы, отец, допустили? Что вы с себя-то вину сваливаете?

– Но ты же рядом был...

– Я рядом был! Полторы недели... А вы всю жизнь.

Нехорошо посмотрели друг на друга.

– Мужик называется... Муж! – сердито сказал Фонякин. – Полторы недели с тобой рядом воровали, пили, а ты глазами хлопал. Молокососы, черти.

Какая-то доля правды была в словах Фонякина; от этого стало Петру особенно обидно и горько.

– Не я ее учил пить.

– Кто же, я, что ли?

– Ну и не я!

– Но надо было хоть маленько усилий приложить!.. За любовь-то свою. Надо или нет? – Фонякин повысил голос.

– Надо! – Петр тоже повысил голос. – А вам не надо было?!

Фонякин посмотрел на взъерошенного зятя, потрогал прокуренными пальцами виски.

– Ладно... чего мы тут. Поздно хватились.

Помолчали.

– Сколько ей сулят?

– Года полтора вляпают. Стыд головушке... Чего не хватало?! Мм... – Фонякин поморщился. Полез за папиросами. – Напиши мне, как тут все будет...

– Я уезжаю тоже...

– Куда?

– Где жил. Не могу больше в этом городе... Видеть его не могу, – Петр тоже закурил.

– Эх, вы, – вздохнул Фонякин. – Молодежь... Все – сами, сами! Что же у самих-то не получается?

– У вас все получалось?

– Но уж такого... безобразия не было. Захотели – сошлись, пожили неделю, захотели – разошлись. Да вы что?

– Это вы у нее спросите.

– А твоя хата с краю?

– Не хочу говорить про это, – заявил Ивлев. – Все равно ни до чего не договоримся. Я вам одно, вы – другое. Я понимаю: вам тяжело. Мне тоже не легче. А оправдываться перед вами... нет никакого смысла. Давайте спать.

– Спи. Я посижу маленько.

– Ложитесь на кровать, я – на диване.

Фонякин кивнул головой и, уставившись взглядом в стол, остался сидеть.

Рано утром простились.

– Закурим на дорогу, – сказал Фонякин. Сел на свой чемодан. Закурили.

– Может, подождал бы пока уезжать, – посоветовал Фонякин. – Узнать бы, как будет?... Я бы остался, но... Что-то худо мне. Как бы не залечь тут – совсем нехорошо.

Петру сделалось нестерпимо жалко усталого, больного человека. Выглядел он действительно очень плохо.

– Останусь. До суда. Сообщу.

– Только не домой, а... вот тут я тебе запишу... – Фонякин вырвал из блокнота чистый листок, написал карандашом адрес. – А то мать там с ума сойдет. Я ей не буду говорить ничего. Скажу, что болела, а теперь, мол, ничего. Да и от людей стыдно...

– Ладно. Я аккуратно сделаю.

Еще посидели немного. Встали.

– Ну... бывай, – Фонякин пожал руку Петру. – Может, увидимся, – говорить ему было тяжело. Он повернулся и вышел, не оглядываясь. И потом, когда шел по улице, ни разу не оглянулся на дом, где жила дочь.

Петр прилег на диван, закинув руки за голову, до работы оставалось два часа с лишним. Можно было вздремнуть пока. Эту ночь он почти не сомкнул глаз.

Прошло восемь месяцев.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Петр Ивлев работал в том городе, где жил до встречи с Ольгой. Квартировал у другой, тоже доброй, тихой хозяйки, в небольшой уютной комнате окнами на живописный пустырь.

Вечерами, если не ходил в кино, читал книги из фабричной библиотеки. Любил читать про путешествия.

И в тот немного душный июньский вечер сидел, примостившись у открытого окна, читал. Темнело уже, а встать и зажечь свет – лень. Петр положил книгу, засмотрелся вдаль. За пустырем, внизу, протекала сонная речушка, за речушкой зеленой стеной вставал лес. И уходил лес далеко-далеко, куда хватал глаз, – терялся в призрачной вечерней дымке. Тихо было в этой части города, покойно. Как в деревне.

Вошла хозяйка.

– Петь, к тебе барышня какая-то.

– Какая барышня?

– Не знаю. «Дома?» – спрашивает. А я завертелась со стиркой-то и забыла: дома ты или нет? Пойду, говорю, погляжу:

«Кто?» – недоумевал Петр, включая свет.

Он не сразу узнал Ольгу: то ли от неожиданности, то ли изменилась она. Она, пожалуй, изменилась: пополнила немного, глаза все такие же смелые и умные, только была в них теперь какая-то жесткая наглинка, что-то вызывающе-высокомерное, но внимательное.

– Вот так номер, – только и сказал он.

Ольга улыбнулась. И в улыбке нечто неувлимо новое: чуть-чуть виноватость, что ли, некая неловкость, которую хотят побороть, скрыть.

– Как в кино, – сказала Ольга.

– Точно... – Петр поглупел от такой нежданной встречи. Засуетился: подставил стул – показалось, близко к порогу, переставил ближе к столу. – Садись, чего стоишь-то?

– Тут ты и живешь? – Ольга села, огляделась.

– Ну да.

Петр все смотрел на нее, не верилось, что перед ним – Ольга.

– Я все время хотела бы вот так жить, а не получается, – сказала Ольга.

– Как? – не понял Петр.

– Вот в такой уютной комнатке, одна, на краю города. Зимой, наверно, ветер за окном, воеет, а у тебя – тепло, – она опять улыбнулась. – Правда, хорошо. Тут стихи сочинять можно. Не пробовал?

– Нет.

– Зря.

Петру пришло в голову, что за все время, пока не видел ее, он ни разу не подумал о ней плохо, помнил только красивой, желанной и чужой.

– Это хозяйка? – спросила Ольга, кивнув на дверь.

– Хозяйка. Ты как раньше-то? Освободилась-то...

– Потом. Сходи купи вина... И поговорим.

– Сейчас.

– Денег дать?

– Брось ты!.. – Ивлев надел пиджак и вышел.

Он рад был, что побудет один, – надо собраться с мыслями. Но никак не получалось – расползались мысли. Рад он был или не рад – непонятно. Рад, конечно. Но с чем пришла Ольга?.. Из магазина чуть не бежал. Не терпелось опять видеть ее, понять: с чем она пришла?

..Сели к столу, когда за окном стало совсем темно.

Вино попало хорошее, хотя Петр не выбирал – ткнул пальцем в первое попавшееся.

– Вкусное. Правда?

– Ничего, – Петру не терпелось узнать, почему Ольга оказалась на свободе раньше срока (ей давали два года), почему она здесь, в этом городе, как нашла его и зачем нашла.

Ольга не торопилась.

– Хорошо у тебя, правда.

– Тебя почему раньше-то отпустили? – не выдержал Петр.

– За красивые глаза.

– Нет, серьезно.

– Серьезно.

– Давно?

– Полмесяца уже...

– А меня как нашла?

– Ну!.. В наше время найти человека – раз плюнуть. Оттуда почему уехал? Испугался?

– Нет. Противно стало.

Ольга надолго задумалась. И не притворялась – опять ей чего-то остро не хватало в жизни, опять не скрывала она, что все, что вокруг нее, с ней, не нужно ей. И снова злая досада и любовь сжали сердце Ивлева. Что ей нужно, что?

– Чем ты занимаешься?

Ольга очнулась от своих дум, выпила вина, крепко поставила рюмку на стол.

– Поедем со мной? В деревню.. ко мне, – а дальше заговорила не с ним: – Черт с ней, не вышло – не надо! Начну новую жизнь. Правильную, – она насмешливо глянула на Петра, поморщилась и продолжала серьезно: – Только не такую правильную, от которой клопы дохнут, а – правильную!.. Понимаешь? Буду учить людей, чтобы они были смелыми, свободными, сильными... Не веришь?

– Я ничего не говорю.

– И ничего мне больше не нужно.

– А кто я-то при тебе буду? Вроде шута горохового?

– Нет, слушай меня, я серьезно. Я много об этом думала. Любви нет, не спорь со мной. Ты думаешь, ты любишь?

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Понял.

– Что понял?

– Это в тюрьме такие учителя нашлись?

– Я серьезно, Петро. Знаешь, как мы с тобой хорошо заживем! Я окончу наконец этот институт – заочно, мне полтора года осталось, – стану учительницей. Буду учить сибирячат... Я же училась в институте, бросила. Теперь кончу. Поедешь со мной?

– Зачем я тебе нужен?

– Нужен. Нужен же мне муж в конце концов. Я серьезно говорю: ты лучше всех, кого я встречала. Только не ревнуй меня, ради Христа. Я не тихушница, сама презираю таких. Буду тебе верной женой, – Ольга встала и в неподдельном волнении заходила по тесной комнате. – Нет, Петя, это здорово! Какого черта мы тут ищем? Здесь тесно, душно... Ты вспомни, как там хорошо! Какие там люди... доверчивые, простые, мудрые.

Почему-то Ивлев понял, что это не пустые слова, не блажь. И не то даже, что она побыла не на свободе, струсилась и сломя голову кинулась мечтать – как можно хорошо, свободно, спокойно жить. Если так – она доедет до Новосибирска, вернется и опять будет беситься и звереть от тоски. Нет, почему-то поверилось, что ее беспокойная, не совсем женская энергия, которая мучительно требовала работы, дела, нашла выход.

И совсем как-то иначе, счастливо, по-девичьи, закинув руки за голову, Ольга сказала вдруг.

– Я на сеновале спать стану. А по утрам буду бегать на речку купаться. У нас вода в реке ледяная. Поедем?

– Поедем.

– Я знала, что поедешь. Давай выпьем, за... счастье. Оно есть, я верю. Мне прямо не терпится скорей начать действовать.

Выпили.

– Хорошо? Ты не кисни.

– Хорошо, Ольга, ты же знаешь, хоть ты и натрепалась тут, что любви нет. Есть.

– Ну и слава богу! И со спокойной душой заснем. Иди скажи хозяйке, что жена приехала... А то я не люблю так. А завтра проснемся и начнем действовать. Я готова. Будем ходить завтра за всякими бумажками, выписываться... Получим самую глупую справочку – уже что-то сделали, радость. Верно? А потом поедем. Будут мелькать деревеньки, маленькие полустанки... Будут поля, леса... Урал проедем. Потом пойдет наша Сибирь... Я раздеваюсь. Иди говори. Мы потушим свет и еще поговорим. А потом заснем.

Петр пошел объявлять хозяйке, что приехала жена.

Он обалдел от счастья, самому не терпелось начать подробно-подробно думать и говорить о том, какую можно прекрасную жизнь создать. «Господи, послала же мне судьба такого... непутевого, родного человека!»

Дорогой Ольга смеялась и дурачилась, рассказывала Петру в коридоре анекдоты. Петр, чтобы не обижать ее, смеялся. Смешно было не всегда. Беспокоила некая надсадность ее веселья; Ольга как будто заставляла себя веселиться. А то подолгу молча сидела у окна. О чем думала, непонятно. Петр уставал от этих перемен, сам тоже частенько задумывался. «Ненадолго ее хватит», – приходила мысль. Но все забывалось, когда Ольга ласково смотрела на него.

– Славный мой... – говорила она. – Все бросил – поехал. Куда!

В Крутойярское с дороги дали телеграмму. Подписали: «Ольга. Петр».

На вокзале их встретил Фонякин.

Петр не сразу узнал его. Стоял на перроне высокий, болезненно худой человек в легком кожаном пальто. Смотрел на них веселыми внимательными глазами.

– Здравствуйте, здравствуйте, – сказал глуховато. Неловко обнял дочь, ткнулся ей в щеку, Ивлеву подал руку и тут только сам едва узнал его. – А-а!.. Вот как? Ну, вот... видишь. Здравствуй. Пошли.

Петр нес чемоданы, наблюдал сбоку за Ольгой. Ольга присмирела, не смеялась. Зато ему сделалось отчего-то весело.

«Какого черта я унываю?» – подумал он.

До Крутоярского доехали за час с лишним. Дорогой мало-помалу разговорились.

– Как приехали-то? – спросил Фонякин.

– В смысле – на чем, что ли? – не поняла Ольга. – На поезде.

– Насовсем или в гости?

Ольга посмотрела на мужа, сказала твердо:

– Насовсем.

Фонякина, чувствовалось, обрадовал такой ответ. Он сидел впереди, разговаривал не оборачиваясь.

– Ну вот, – сказал тихо.

– Мама здорова?

– Ничего.

– А ты?.. Худой какой-то. Не болеешь?

– Работы много, – уклончиво сказал Фонякин. – Я теперь директор совхоза.

Петр заметил, как смотрит на Ольгу шофер Фонякина, крепкий парнишка лет двадцати пяти – двадцати шести: с изумлением. Ольга раза два перехватила взгляд шофера, усмехнулась сама себе.

«Ах, как нравится, когда на тебя так смотрят!» – не без досады подумал Петр.

..Вечером собрались к Фонякиным гости.

Ивлев отвык от сельских людей. Впрочем, к таким сельским людям он и не привыкал никогда – это было районное начальство: парторг совхоза, ветврач, директор школы, второй секретарь райкома.. Все с женами. Были какие-то родственники Фонякиных. Всего человек двенадцать. Петр с интересом присматривался к ним; и к нему тоже присматривались.

Особенно весело не было. Мужчины разговаривали о предстоящей партконференции, про общих знакомых, о командировках. Женщины колготились на кухне. Ивлев рассматривал толстый семейный альбом Фонякиных. Перелистал один раз, закурил и стал листать сначала. Ольга в какой-то из комнат (их в доме было четыре) приводила себя в порядок.

За столом оживились. Выпили. Фонякин тоже выпил, хотя жена пробовала удержать его.

– Что ты? – сказал Фонякин. – Сегодня положено.

Петр пил много, чем неприятно удивил тещу, полную молодящуюся женщину. Пил, но

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru почему-то не пьянел. Люди нравились ему. Он только не знал, о чем говорить с ними. Старался улыбаться, поддакивал.

Ольга была весела. Ивлев пригляделся и понял: притворяется, не хочет обижать родных.

Завели патефон, пошли танцевать.

Фонякин с Ивлевым ушли в соседнюю комнату, незаметно прихватили с собой бутылку вина.

– Потолкуем, – сказал Фонякин. – Вот тут жить будете. Ничего?

Петр оглядел комнату.

– Хорошо, чего еще надо.

– Пока... А там видно будет. Садись.

Закурили. Выпили молча по рюмке.

– Что делал это время?

– Работал.

– Столярничал?

– Да.

– Сама нашла тебя?..

– Сама.

– Ну и как? Как теперь думаешь? – Фонякин имел в виду дочь.

– Если в двух словах: по-моему, дело идет к лучшему. Не сразу, наверно... Не знаю, по-моему, она взялась за ум. Я верю. Учиться хочет.

– Здесь тоже столярничать думаешь?

– А что еще?

Фонякин налил по рюмке. Оглянулся на дверь.

– Не прихватят нас с тобой?

– Нельзя пить?

– Дэ-э... Давай.

Выпили.

– Кхэ... А где столярничать хочешь?

– В МТС.

– В РТС. Эмтээсов нет теперь.

– Ну в РТС. Какая разница.

Помолчали.

– Рад, что приехали, – сказал Фонякин. – Старею, наверно... Сны какие-то дурацкие вижу.

– Одна она у вас была?

– Она не говорила?

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Нет.

– Сын был... Убит под Курском. Николай. Ступай позови ее... Пусть споет. Охота послушать.

Ольга вошла в комнату, вопросительно посмотрела на отца.

– Садись, дочь. Давно не виделись... – просительная нотка прозвучала в голосе Фонякина; и весь он был какой-то беспомощный перед крупной, красивой дочерью.

«Оба мы перед ней какие-то... маленькие, – признался себе Петр. – И не знаем, что делать. Вот человечина!»

– Спеть?

– Спой. Сейчас я гитару принесу, – Фонякин встал и вышел из комнаты.

– Сдал крепко отец-то, – сказал Петр.

Ольга, уперев руки в бока, задумчиво смотрела в темное окно. Ничего не сказала.

– Покажи брата, – попросил Петр.

Ольга показала глазами на портрет (увеличенную фотографию) молодого круглолицего, до удивления похожего на Ольгу парня в офицерской форме. Взгляд такой же – прямой, твердый, открытый. Петр взгляделся.

«Он бы сумел с ней поговорить», – подумал невольно.

Фонякин принес гитару, неумело тренькнул струнами, подавая ее дочери.

– Твоя. Помнишь?

– Помню, – Ольга взяла гитару, села на стул, положила ногу на ногу. Тесная юбка чудом не затрещала.

– Что желаете? – посмотрела с усмешкой на отца и мужа. Когда она так усмехалась, у нее отчетливо обозначались темные усики над ярким, капризно очерченным ртом.

– Чего-нибудь, – сказал Фонякин.

Петр всего раза два слышал, как она поет: хорошо, ему очень нравилось.

Ольга настроила гитару, подумала. Посмотрела на отца, на мужа... И запела негромко:

Мне помнится сказка,
Забытая сказка:

О том, как влюбился в огонь мотылек,
Он думал, что будет тиха его ласка,
Но огненных сил превозмочь он не мог.

При первых же звуках песни у Петра сделалось хорошо на душе; уютно стало в комнате. Пела Ольга низким, чистым голосом, просто, будто нехотя. Но голос шел от сердца, и так был он дорог!.. Полузабытое, редкое чувство далекой молодости – когда хотелось отчего-то вдруг заплакать – вспомнилось.

Гитара задумчиво гудела.

И вечером чистым, порою лучистой
В окно растворенное тихо влетел
И, словно безумный, не чувствуя боли,
В огне серебристом мгновенно сгорел.
Любовь моя тоже – забытая сказка..

Петр посмотрел на тестя. Тот сидел, накоршунившись над столом, печально и хмуро смотрел перед собой. Многие он прощал дочери за ее песни. Любил он ее, крепко его заботила ее судьба.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Ольга допела песню, положила крупную белую ладонь на струны, посмотрела с усмешкой на обоих.

– Чего носы повесили?

Фонякин очнулся, поднял голову.

– Так.

– Давайте вместе какую-нибудь? – предложила Ольга.

– Ну уж нет! – возразил Петр.

Фонякин тоже сказал:

– Зачем? Спой еще.

Я о прошлом уже не мечтаю, – запела Ольга; и опять властное чувство тоски и скорби охватило Ивлева, но странной какой-то скорби: как будто и не скорбь это, а такое чувство, когда хоть и грустно, хоть и плакать хочется и жаль чего-то, но если плакать, то и смеяться и любить – вместе. И прощать и жалеть: «Милые, милые, родные люди, ничего, хорошо ведь?»

«Моя ты или не моя? Если б ты была моя совсем, с твоими песнями вместе! Ничего бы не надо больше», – думал Петр.

Ольга кончила петь.

Некоторое время все трое сидели молча, додумывали думы, какие породила песня. Жалко было уходить из того смутного, зыбкого, бесконечно доброго и печального мира, куда увели песни.

В комнату вошел директор школы, низенький, плохо скроенный человек в бостоновом костюме, сказал громко:

– А, вот они где!.. Ольга Павловна, без вас там все разваливается. Пойдемте танцевать, – посмотрел на Петра вопросительно.

– Я не танцую, – сказал тот.

Ольга положила гитару на стол, легко поднялась. Петра всегда поражало, с какой легкостью она носит свое большое тело.

– Пойдемте.

Они ушли.

– Вот так, – сказал Фонякин. И надолго умолк.

Петр слушал патефон, веселый говор и смех, звучавший в соседней комнате. Опять новая жизнь...

– Значит, столярничать? – спросил неожиданно Фонякин.

– А что?

– Так просто. А поучиться... не думал? У тебя сколько?

– Пять классов.

– М-да-а... не густо. Но ведь и годов-то тебе еще не много.

«К чему он?» – недоумевал Петр.

– А что? – опять спросил он.

– Да ничего!.. Время сейчас такое – все учатся... У нас вечерняя школа хорошая.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Хотя бы техникум... Жизнь большая.

– Посмотрим, Павел Николаевич.

Жизнь дальше пошла так.

Столярного дела в РТС Петру не нашлось. Мелкие, шабашные заказы по селу выполняли старики-пенсионеры. Да и стыдно было бы заниматься этим. Зато его с великой охотой взяли в плотничью бригаду на строительство кошары.

Ольга не на шутку принялась за книги.

Рано утром Петр осторожно вставал с кровати, умывался во дворе под рукомойником, одевался, ел на кухне невкусные пироги с морковью, которые почему-то в изобилии пекла теща, запивал молоком... Если Фонякин был дома, он беззлобно ругался с кем-нибудь по телефону в прихожей. Иногда вместе ели пироги с морковью.

Теща и Ольга спали еще.

– Как дела? – спрашивал Фонякин.

– Ничего. Как у вас?

– Ничего.

И каждый думал о своем.

Позавтракав, Петр уходил на улицу, садился на скамейку у ворот, закуривал в ожидании автобуса (стройка была в пяти километрах от села, рабочих возили на работу и с работы). Это было самое хорошее время дня – эти полчаса, пока он ждал автобуса. Солнце еще не поднялось из-за горы, но светло уж, и все село ворошится. Поднимая пыль, прошло стадо коров. Небольшое. Большое оно будет в конце села. Хлопают калитки; запоздавшие бабы догоняют пастуха, подстегивая коров хворостинками.

– Ну, отелилась, ли чо ли?! – ругаются. Как будто не сами виноваты, что пронежились лишних пятю минут в теплой постели.

Протарахтит телега с мужиком. Мужик что-нибудь крикнет запоздавшей бабе, а та в долгу не останется. Засмеются. Голоса еще с хрипотцой – со сна, теплые. Люди не успели наработаться – не сердитые. Да и шибко уж просторно, ясно, свежо вокруг, так и подмывает крикнуть через дорогу что-нибудь самое пустяковое.

– Здорово, сосед!

– Здоров. Как ночевал?

– А ничо, слушай! жена бы не растолкала, дак ишо бы поспал. На коровьем-то реву оно, это, спитса, язви ее!

А подальше еще двое переговариваются через плетни:

– Ты что седня вечером делаешь-то?

– Да а чо?.. Вроде особо-то нечего.

– Может, сплаваем в островишко, посидим?

– Оно можно бы... у меня припасишки вышли. Я этто заказывал Семке Косому, поедешь в город, возьми на мою долю с кило. Забыл, окаянная душа!

– У меня есть маленько, я дам.

– Но давай. А я на днях сам поеду, дак куплю. Дроби-то я накатаю...

– У меня дробь есть. Правда, тоже не магазинная...

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да дрови не надо. Я вон парнишку заставлю, накатат сколько надо.

– Ну и сплавам, посидим, – а дальше негромко: – Я тада возьму на литровку?.. – кивок в сторону крестового дома, где живут две учительские семьи. – Штук шесть-то добудем, поди.

– Бери, добудем.

Договорились вечером сплавать на охоту. Пороху один другому одолжит. Дробь пойдет самодельная. А так как деньжонок у обоих нет, а выпить после охоты надо, один возьмет у учителей шесть рублей под уток (бутылка – пара), купит две бутылки и поставит в погреб. Приплывут затемно, разложат во дворе огонь под таганком, сами отеребят, опалят, распотрошат утку и заварят целиком в чугуне. Вкусно и долго пахнет потом на улице паленым; блаженно покряхтывают двое, прихваливают:

– А ничо получилось!..

– Мм.

– Жалко, в одну промазал. Прямо над головой шаркнула, гадина... Темно.

– Ничо, этого от пуза.

Трепыхается слабый огонек под таганком, выхватывая из тьмы две фигуры. Бывает, со двора не в лад, но задушевно поплывет в теплом стоялом воздухе:

Аб чем, дева, плачешь?

Аб чем, дева, пла-ачешь?

Аб чем, дева, пла-а-ачешь?..

Мужской голос, с плохо скрытой завистью, прикрикнет с улицы:

– Огонь-то затопчите потом, девы!

Если «девы» не успокоятся, выходят жены.

– Ну-ка, марш по домам!

..На работе к Ивлеву сперва было несколько настороженное отношение – директорский зять. Скоро, однако, наладилось. Работать Петр умел, за счет других не ловчил, плохого к людям за душой не таил – это скоро понимают.

Ольга целыми днями читала, забравшись с ногами на диван. Мужа с работы встречала не то что прохладно – спокойно: оторвется от книги – мысли далеко-далеко.

– В печке на сковородке картошка жареная, в сенях – огурцы, капуста. Хлеб – в шкафу.

Ивлева не очень огорчало такое.

«Ничего, – думал, – лишь бы тосковать не начала».

Сам серьезно подумывал над словами тестя: не начать ли учиться? Жизнь выровнялась, на душе устоялся желанный покой. Листал вечерами Ольгины книги, и крепло желание: сидеть рядом с женой и въедаться в неведомый, чужой мир.

Ночью, в темноте, негромко разговаривали.

– Мне тоже отец советует учиться. А? Я ведь, если возьмусь...

– Правильно советует. У него только другое, наверно, на уме... свое. Я сама возьмусь за тебя. Странно мне, Петя! Как будто, знаешь, шла, шла и вдруг – море. Совсем не ждала. И прямо не знаю, что мне с ним делать – большущее такое!.. – и добавляла сердито: – А мне уж скоро тридцать.

– Ерунда какая. Люди...

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Да я не об этом. Жалко!

– Чего жалко?

– Ничего. Тебя жалко, что не понимаешь.

– Понимаю, почему не понимаю. Жалко, что время зря много ухлопала?

– Спи. Дай твою руку... Я не знаю: может, я испугаюсь, что оно такое большое...

– Не бойся. Хорошее дело надумала – не робей. Я тоже с тобой: рога черту свернем. Я ведь мужик крепкий, мне если что западет в башку...

– Не хвались. А учиться будешь, я без отца давно решила. Хорошо от тебя потом пахнет – сосновым. Спи.

Петр засыпал счастливый. Иногда, когда он засыпал так, Ольга вдруг говорила сама себе твердо, зло и отчаянно:

– Нич-чего у меня не выйдет.

Приехав в Крутоярское, Петр написал тетке письмо с новым адресом. Похвалился в письме, что живет хорошо. И вдруг получил телеграмму от дяди:

«Срочно выезжай тетя безнадежная».

Петр в тот же день выехал на родину.

Случилось так, что в тот день, в который уехал Петр, в село привезли хороший фильм. Ольга слышала о нем и вечером пошла в клуб. Сидеть ей пришлось рядом с молодым человеком, которого она два раза видела на улице, знала, что он учитель истории и географии, что сам откуда-то из Ленинграда, кажется. Худощавый, среднего роста, бледный, опрятно одетый. Ольга тогда еще подумала: «Интересно, как он о Стеньке Разине рассказывает: „Дорогие дети, Степан Тимофеевич был человек энергичный и очень мужественный...“?»

– Здравствуйте, – вежливо сказал молодой человек Ольге, когда она села рядом.

Ольга тоже сказала:

– Здравствуйте.

И все. И стали ждать начала картины. Ольга, как бы между прочим, два раза глянула на него: сидит, облокотившись на спинку стула, терпеливо ждет.

Сеанс все не начинался.

Молодой человек ослабил галстук, посмотрел на часы.

– Что-то долго они...

– Вы давно здесь? – спросила вдруг Ольга. Сама не ждала, что заговорит.

– Здесь, в зале? – простодушно уточнил молодой человек, повернувшись к Ольге; ей показалось, что он близорукий. – Минут пятнадцать уже.

– Нет, в деревне?

– В этой? – опять уточнил молодой человек. – В этой – год.

Ольге сделалось весело: очень смешно он уточнял вопросы.

– Нравится у нас?

– Почему «у нас»? Вы ведь сами приехали.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Я родилась здесь.

– Да? В отпуск?

– Нет, домой приехала. Совсем.

– Хорошее дело, – он произносил: «дево». Опять посмотрел на часы. – Ужасный механик. Копуша.

Ольге хотелось разговаривать.

– Нравится у нас?

Молодой человек сморщил лоб и погладил его вдоль морщинок средним пальцем (у него была такая привычка).

– Нравится. Не все только.

– Привыкнете, – Ольга ужаснулась пустому слову. Странно, у нее пропала легкость, с какой она находила слова в любом почти разговоре – ироничные, никогда не серьезные и всегда серьезные, более или менее остроумные и едкие. Парень предложил неожиданный тон разговора: простой и недвусмысленный.

– Привыкнем, – согласился он. У него, кажется, не было охоты разговаривать. Это задело Ольгу за живое. Она ждала, что он, изголодавшись по «светским» разговорам, пойдет щеголять, станет показывать, что «и мы здесь» кое-что понимаем. Эдит Пиаф? Извольте: поет хорошо, а книжки писать не умеет. Нет такой – женской литературы. Знаете, что подумала каждая третья женщина, прочитав ее исповедь: «Если бы я рассказала!..» После Чехова или Толстого так не подумаешь. Ну, что еще? Поэзия? Наша? Как сказать...

Было время, когда Ольге такие слова кружили голову, как вино, потом она научилась сама говорить их, потом они стали злить ее. Все это хорошо, мило, но очень уж дорого надо платить.

Ольга ненароком еще раз посмотрела на молодого человека. Из каких же он? По облику, по костюму он даже не из тех, кто поначалу кружит голову, а из тех, кого и поначалу жалко: слабенькие, начинают с отрицания всех и вся, объявляют жизнь «болотом», потом объясняются в любви. А кончают тем, что снова объявляют жизнь «болотом» и стесняются давать деньги на аборт.

Сеанс все не начинался.

– Ужасный механик, – сердито сказал молодой человек и опять посмотрел на часы. Сердиться он не умел.

– А куда вы торопитесь?

– Да куда!.. Но так тоже нельзя – впустить людей и томить их тут.

– Видите – плохо в деревне.

Молодой человек вдруг негромко засмеялся. Ольге кровь бросилась в лицо.

– Вы как шпион: потихоньку выпрашиваете у меня... – смеялся молодой человек искренне, необходимо. – Если это самое плохое в деревне, я согласен ждать еще час.

– Что же самое плохое? – Ольга вконец потерялась. Никак не могла обрести легкий путь в разговоре. А говорить хотелось. Она даже ругнулась по-мужски про себя. «Что со мной?»

– Да ничего, все нормально. Вы кино любите?

– Хорошее.

– А я – всякое. Черт его знает: понимаю, что это гвупо (глупо), а хочется смотреть. Если совсем дрянь – тоже смешно.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это опять-таки деревня, – уперлась на своем Ольга.

Посмотрели друг на друга. И вдруг рассмеялись оба. Ольге стало легко.

– Доконаю я вас с этой деревней.

– А что вы делать приехали?

– Я тоже учительница, – Ольга чуть поторопилась. – Не совсем еще. Мне нужно дотянуть полтора года заочно.

– В нашем полку прибыло.

– А разве возьмут так?

– Возьмут. У нас треть таких – дотягивают. С руками-ногами возьмут. Не хватает же. У вас какой?

– Литература

– Возьмут.

– Seriously: вы не скучаете здесь? Почему летом-то остались?

– Тут... всякие дела. Не скучаю, я серьезно говорю. Только надо... Да нет, впрочем...

– Что?

– Так. Найдется что-нибудь, чтоб не скучать. Были в школе?

– Нет еще.

– Отличная школа. Вот такие нужны.

– А ребята как?

– Как везде – разные. Многих бы я попер из школы. Нельзя. Это плохо.

– Плохо, что гнать нельзя?

– Да. Зачем?.. – молодой человек совсем повернулся к Ольге и с горячностью стал ей доказывать: – Зачем, скажите, и ему, и себе нервы трепать?!

– Но восемь-то классов надо...

– Да восемь-то ладно. А он за восемь перевалил, а учиться не хочет. Ну и иди с богом! Сглупил? Ошибся? Вечерняя школа к услугам. А мы врем, тройку ставим, когда надо двояк прочный. Кол осиновый!

– О!..

– А есть славные. Одно удовольствие. При чем тут деревня?

Свет погас наконец.

– Поехали, – сказал молодой человек и снял пиджак. Фильм, правда, был хороший. Но Ольгу волновала близость молодого человека, она почувствовала плечом его руку и отвлеклась от картины. Можно бы отодвинуться и сосредоточиться на картине... В конце концов Ольга так и сделала. Но теперь она слышала запах «Шипра», исходивший от его лица. И это тоже отвлекало. Это вконец вывело из себя Ольгу. Впору было встать и уйти. Черт знает что лезло в голову: захотелось вдруг крепко прижать его к себе и шепнуть на ухо ласково: «А ты еще совсем-совсем маленький». У нее даже голова заболела от волнения. И в ушах пошумливал. «Да ты что, девка?» – пыталась она унять себя. Едва досидела до конца сеанса. Вышли вместе. Ольга глубоко вздохнула.

– Душно...

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Хорошая картина. Оказывается, не надо ничем удивлять, – молодой человек задумчиво сморщил лоб и потрогал его пальцем. – Лев Толстой говорил: «Если хочешь что сказать, скажи прямо». Правильно.

– Пойдемте на речку? Так пить захотелось, не дотерплю до дома.

Пошли на речку.

Волнение Ольги поулеглось, и она теперь думала: Что это? Любовь, что ли? Боже милостивый!..»

– Как вас зовут?

– Юрий. А вас?

– Ольга.

– Вот такие-то дела, Юрий Батькович, – Ольгу опять стало одолевать волнение. – Как говорил Лев Толстой?

Юрий что-то начал понимать. Молчал. Растерялся, наверно.

В темном месте Ольга остановилась. Юрий тоже. Ольгу слегка затрясло.. Теперь уж она не могла – обняла его, нашла его губы и нежно поцеловала. Едва сдержала себя, чтоб не впиться в них с жадностью.

– Вот так... как учил Лев Толстой. Ну что? Говори что-нибудь! – Ольга еще держала его в объятиях.

– Оля, что это? – голос Юрия вздрагивал. – Что-то не понимаю...

Ольге стало легко и весело. Теперь она обрела себя. Отпустила его, вздохнула полной грудью.

– Пойдем на речку, я утоплюсь. Только не молчи, а то мне сейчас станет стыдно.

– Я не молчу. Я только не понимаю...

– Да я сама не понимаю! А чего непонятного, кстати? Ну, поцеловались. Ты что, до этого никогда не целовался?

– Почему?..

– Ну и вот. Влюбилась в тебя. Но убей бог, не знаю, за что. Ты красивый, что ли? В тебя влюблялись?

– Кой черт влюблялись! Я как тюлень...

– Вот, а я как раз люблю тюленей.

Подожли к речке, Ольга оперлась руками о берег, припала к воде.

– Охх!.. Сейчас всю выпью, – еще раз припала.

Юрий сел на камни. Молчал. Он еще не пришел в себя от случившегося.

– Ну пойдем, – Ольга поднялась, ополоснула руки. – Я объясню, что произошло, – действительно стало немножко стыдно. «Тороплюсь. Всегда тороплюсь». – Произошло... я не знаю, что. Кажется, я правда влюбилась. Но поступила сейчас ужасно-ужасно глупо, – Ольга говорила тихо. Ей захотелось вдруг плакать. – Ужасно!.. Дура.

– Не надо так, Ольга.

– А иначе не могла. Мне показалось, что я тебе нужна. Понимаешь? Не сейчас, не... Всегда. И ты мне нужен. Но я... маханула так, что теперь не понимаю: это показалось или это так и есть?

– Ольга, – сказал вдруг твердо Юрий, – я слабыхарактерный человек, но иногда на

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
меня находит... Не мучайся. Я знаю, что тебя мучает: сама первая сказала. Да еще так... сразу. Только, ради бога, не мучайся. Во-первых: если мне не сказать, я сам никогда не скажу. Во-вторых... Черт, я еще не очухался...

– Иди домой. Давай очухаемся.

– Подожди, Оля.

– Нет, давай подумаем. Надо. Иди. До свиданья, – Ольга повернулась и пошла в свою улицу. Шла скоро, не разбирая дороги. Она плакала. Это впервые за много-много лет. Она даже не помнила, когда она последний раз плакала. Плакалось, не могла успокоить себя и не могла понять: отчего же плачется-то?

На другой день Юрий рано утром пришел к Фонякиным.

Фонякин ругался по телефону в прихожей.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Счас, минуточку... – Фонякин выяснил наконец, сколько машин пойдет с рабочими на покос, повесил трубку.

– Ольга Павловна дома?

– Ольга?.. Спит, наверно. Счас посмотрю.

Юрий остался в прихожей.

– Идет, – сказал Фонякин, проходя в кухню. – Садитесь, пожалуйста.

– Ничего, спасибо, – Юрий подождал немного в прихожей, потом вышел на крыльцо. Не заметил сам, как начал ходить по крыльцу туда-сюда.

Вышла Ольга в халате... Наступил тот самый момент, которого оба, наверно, боялись и ждали. Сколько он продолжался, этот мучительный момент?.. Смотрели в глаза друг другу...

– Я не умытая еще, – словно оправдываясь, сказала Ольга. Сказала негромко.

Юрий шагнул к ней, взял за руки.

– Оля...

– Подожди, не надо. Не говори. Я сейчас... возьму полотенце.

– Оля, я только хочу сказать...

Ольга, не слушая его, ушла в дом. Вышла она в легком ситцевом платье, которое очень было к лицу ей. На плече – полотенце.

– Оля...

– Не надо! Ты же сказал. Я все поняла, Юра.

– Я ничего еще не сказал. Я всю ночь думал...

– Теперь ты торопиться. Не надо. Давай спокойно идти... Я тоже всю ночь думала.

– Мы куда?

– На речку. Купаться.

– Я, кстати, там пиджак забыл вчера.

Ольга засмеялась.

Утро было на редкость прекрасное. Солнце выплыло из-за горы и всю землю затопило прозрачным теплым светом. Все отсыревшее в ночной прохладе – крыши домов,

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
заборы, деревья, – все отходило теперь, чуть парило, издавало волнующе-свежий, резковатый запах подгнившей древесины, зелени, подсыхающей земли... Взошло солнце, и природа светло безмолвно ликovala. Человеку бы так!

– Побежим? – предложила Ольга. И первая побежала. Юрий побежал за ней следом.

– Неудобно немного... Оль?! – негромко крикнул он на бегу.

– Учитель?... За бабой с утра пораньше?! – Ольгу взял такой смех, что она остановилась и долго хохотала, запрокинув голову.

Юрий стоял рядом, улыбался, любясь ею, такой же свежей, здоровой, чистой, как само это утро.

– Ты как это утро, Ольга, – сказал он.

– Милый ты мой, – с нежностью сказала Ольга, погладила его мягкой, теплой ладонью по голове, по щеке. – Умненький мой. Малышечка моя...

Юрия обожгла такая неожиданно сердечная, неподдельно-родная интонация и нисколько не обидело, что он «малышечка».

Пришли к реке. Пиджак Юрия лежал на берегу.

– Купаться будешь? – спросила Ольга, глядя на Юрия, готовая опять смеяться.

– Я плавки не взял, – простодушно сказал Юрий.

Ольга опять засмеялась: что-то смешно ей было сегодня, все смешно.

– Сколько тебе лет, Юра? – спросила она, раздеваясь.

– А что? – Юрий покраснел и всячески старался не выдать волнения, какое охватило его при виде ее полуобнаженного тела.

– А что?

– Ну так. Сколько?

– Двадцать шесть, – он прибавил себе полтора года.

– А мне – двадцать девять, – Ольга бросила платье на камни, распрямилась, чуть прогнулась назад, раскинула руки. – Двадцать девять, тридцать, тридцать пять, сорок – все. Бабий век – сорок лет.

– Чепуха, – счел нужным сказать Юрий, думая в это время: раздеваться ему или нет. И решил, что не нужно.

Ольга постояла над водой, глядя в нее, потом сразу ухнула с головой вниз... Вынырнула, охнула и поплыла от берега, загребая одной рукой. Крикнула:

– Хорошо! Обожгло всю!..

Юрий понимал, что не надо бы ему сейчас раздеваться – показывать свое отнюдь не атлетического сложения тело, но и сидеть дураком на берегу, когда женщина купается, тоже как-то неловко. Он быстренько, пока Ольга была далеко, скинул одежду и тоже, как она, ринулся с головой в студеную воду. Действительно обожгло.

– Плыви сюда!

Юрий поплыл было, но вернулся.

«Еще судорога, на грех, сведет», – подумал он.

...Лежали на теплых камнях. Юрий нет-нет да невольно взглядывал на Ольгу. Молочно-белое, гладкое, крепкое тело ее все было в мелких светлых капельках и блестело под солнцем, как чешуйчатое.

«Такой я еще не видел», – должен был признаться Юрий.

«Приедет Петр, наделает беды, – думала в это время Ольга. – Убьет кого-нибудь: меня или его».

– Юра, я ведь замужем, – сказала она серьезно. И ждала, что скажет Юрий. Рук с лица, которыми защищала глаза от солнца, не отняла.

– Ну и что? – спросил Юрий. – Разве не бывает?..

– Бывает, – согласилась Ольга. – Ты поможешь мне закончить институт, – Ольга отняла руки от лица, приподнялась на локте. – Я все позабыла.

– Вспомним! Чего там помогать-то, господи.

– Нет, не просто закончить – не так. Так я могу. Все должно быть очень серьезно, Юра. Все должно быть удивительно серьезно, ты не представляешь себе, как! Должна быть огромная библиотека с редкими книгами. Должно быть два стола... Ночь. За одним ты, за другим я. Полумрак, только горят настольные лампы. И больше ничего. Два стола, два стула, две раскладушки... Нет, одна такая широченная старинная кровать, застеленная лоскутным одеялом. И наволочки на подушках – ситцевые, с цветочками... Ты кого больше всех любишь из ученого мира?

– Коперника, – первое, что пришло в голову, сказал Юрий; он никогда так не думал: кого именно больше всех.

– А я – Циолковского. Я видела в Калуге его домик... Здорово это – почти всю жизнь прожить непризнанным. Только под конец, когда уже ничего не нужно... А?

– Это – подвижники, – согласился Юрий. Его тоже постепенно захватывало чувство, какое владело сейчас Ольгой; она умела заражать. – Это – чисто российское явление.

– Вот именно! А еще в доме должна быть мастерская...

– Какая мастерская?

– Столярная и слесарная. Много-много всяческих инструментов! Столы мы себе сами сделаем... – Ольга резко качнула головой, стряхивая каплю воды, наползавшую со лба на глаз. Пристально посмотрела на Юрия, так, что тому не по себе как-то стало. Легла на спину и опять закрыла лицо руками. И замолчала.

Четыре дня не было Петра Ивлева. Все эти четыре дня Ольга уходила вечером из дома и возвращалась глубокой ночью.

Фонякин зачуял что-то недоброе. Попробовал было поговорить с женой, та отмахнулась.

– В клуб ходит, куда еще.

– Каждый вечер-то?

– А чего тут такого? Что она, старуха, что ли?

– Она мужняя жена – вот что тут такого! – рассердился Фонякин. – Нет мужа дома – нечего одной по ночам шляться.

Жена нехорошо покривилась.

– Муж...

– А кто же он ей?

– Не пара – вот кто! – выпалила жена. – Вывезла!.. Таких-то у нас своих хоть отбавляй.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Во-он ты как, – Фонякин понял, что жена, если что и знает, не скажет: зять был ей не по душе.

И запала ему в голову беспокойная дума.

«Против Петьки что-то замышляют, не иначе».

Один раз застал мать и дочь, о чем-то оживленно беседующих. При его появлении обе враз смолкли. Ольга ушла в свою комнату.

– Чего затеваете? – прямо спросил Фонякин.

Жена притворно всполошилась:

– Ты что?! Чего затеваем? Господи-батюшка!.. Скажет тоже.

– Смотри, – пригрозил Фонякин. – Я вам парня в обиду не дам. Поняла?

А на пятый день ему принесли в кабинет письмо. Ему лично.

«Уважаемый т. Фонякин!

Мы вас на самом деле уважаем, вы тут ни при чем. Но уймите как-нибудь свою кобылу-дочь. Это же стыд зольный! Ведь он, как ни говорите, учитель, наших детей учит. И она, мы слышали, тоже учительствовать собирается. Какой же они пример...»

Фонякин не дочитал письмо; у него в кабинете было много народу. Сидел, как помоями облитый, боялся посмотреть в глаза людям.

«Вот оно!.. Начинается», – думал.

Крепился, сколько мог, потом не выдержал, сказал:

– Товарищи, мне что-то... того... худо малость. Пойду полежу. Закончим на этом.

Шел домой скорым шагом. Правая рука – в кармане, письмо в кулаке – сжал так, что ладонь вспотела.

«Вся деревня знает уже. Сволочи! Одни мы с Петькой, как Исусы... Ну, погодите!»

Вошел в дом мрачнее тучи. Жена, увидев его, встревожилась.

– Что? Опять? Врача, может?..

– Позови Ольгу. Сама уйди куда-нибудь с глаз долой.

– А что такое, Павел?..

– Я кому сказал!

Жена, чувствуя грозу, пошла исполнять приказание.

Ольга явилась спокойная, чуть собраннее, чем всегда.

«Какая женщина... жена, мать могла бы быть», – невольно подумал Фонякин.

– Что, папа?

– Вот!.. – Фонякин бросил к ногам дочери письмо. – Сочинение прислали. Учительницей собираешься быть? Читай! – Фонякин раскалялся все больше. – Там ошибки, наверно, но там в лицо плюют!

Ольга даже не глянула на письмо.

– Анонимка? Не надо было читать...

– А что мне делать?! – крикнул Фонякин. – Глаза себе выколоть?

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Не надо читать, я сама все расскажу.

Фонякин не ожидал такого. Даже несколько растерялся.

– Что ты можешь рассказать?

– Я познакомилась с учителем Юрием Александровичем, мы стали друзьями...

«И как спокойно!» – с холодной яростью подумал Фонякин.

– Мы, очевидно, поженимся. Вот и все.

Как молотком били по голове, только удары были какие-то тупые и туго доходили до сознания Фонякина.

– А как же... – хотел заговорить он тоже спокойно. – Как же Петька?... – голос прерывался, спокойствия не получалось. Он чувствовал, что сейчас сорвется. И Ольга чувствовала это, но оставалась спокойной. Это-то больше всего и взбесило Фонякина. – Муж как же?..

– Я никогда не любила его. Он знает об этом.

Фонякин поднялся.

– Иди сюда, – сказал он.

Ольга помедлила секунду, подошла.

Отец ударил ее по щеке. И потом еще раз и еще... Ольга попятилась от него.

– Еще, – попросила.

Фонякин шагнул и ударил еще.

– Шлюха.

– Еще бей!

– Шлюха! Вон из... – Фонякин задышался.

– Еще бей! – требовала Ольга.

Фонякин схватился за сердце, стал торопливо искать глазами место, куда присесть. Он сделался белый, губы посинели...

– Папа! – вскрикнула Ольга. – Папа, что с тобой?

Вбежала мать.

– Паша!

– Не орите! – с трудом сказал Фонякин, осторожно опускаясь в кресло. – Дай глицерин. Скорей. В баночке...

Жена нашла нитроглицерин, Фонякин проглотил таблетку, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Женщины замерли около него.

Долго все молчали.

– Седин не пожалела, – негромко заговорил Фонякин, не открывая глаз. – Не пощадила...

– Папа, при чем здесь ты?

Мать дернула дочь за руку, показала глазами на дверь. Ольга вышла.

– Отец, конечно, ни при чем. Эх, вы...

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Паша, успокойся. Ну не надо сейчас-то...

– Ты замолчи! – Фонякин вздохнул и сам замолчал. Только часто и глубоко дышал.

Вечером Ольга ушла из дома. Совсем.

Через два дня приехал Петр.

Тещи дома не было, Петр прошел в комнату Фонякина.

Павел Николаевич лежал в кровати.

– Что, опять? – спросил Петр. Даже не поздоровался.

Фонякин за эти два дня изменился до неузнаваемости: глаза впали, нос заострился, как у покойника, на щеках, в морщинах залегли нехорошие тени.

– Сядь, Петро, – сказал он. Сам несколько приподнялся на полушках. – Как дома?

– Тетку схоронил, – Петр отодвинул на стуле лекарства, присел на краешек. Хотел закурить, но спохватился.

– Да, кури! Дай, я тоже закурю.

– Может, не надо?

Закурили.

– Что с теткой-то?

– Рак желудка. Пятнадцать килограмм от человека осталось.

– Успел еще?

– Успел. Только не узнала...

Долго молчали.

– Ну, крепись, Петро... Все к одному: Ольга ушла из дома. К учителю... есть тут у нас...

Петр не понял.

– Как ушла?

– Ушла. Совсем. Замуж вышла, – Фонякин опустил на подушки. Видно, немало стоили ему эти слова. Прикрыл глаза, шумно вздохнул. – От тебя ушла, не понимаешь, что ли?

Волной – от макушки до пят – окатил Петра мерзкий озноб. И схлынул. Жарко сделалось. Он молчал. Фонякин посмотрел на него... и отвернулся.

– Где он живет? Учитель... – спросил Петр.

– У бабки Маланьи... Спросишь – покажут.

Петр поднялся.

– Петя... – Фонякин привстал, глянул прямо в глаза зятю. – Не делай там греха... прошу. Хоть ты-то... Ничего же не изменишь. Как сына прошу...

Слова Павла Николаевича дошли до него, когда он шел к учителю. Он сбавил шаг. Надо было сообразить, как действовать. Но что тут сообразишь?! Так и вошел, ничего не придумав, – какие слова говорить, что вообще делать?

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Здравствуйте.

Они о чем-то оживленно и, кажется, резковато беседовали. Юрий ходил по комнате, Ольга сидела у стола, положив ногу на ногу. И первое, что бросилось в глаза Петру, – круглые, тупые, крепкие колени Ольги. Не сама Ольга, не взгляд ее, не Юрий Александрович – колени. И почему-то это успокоило, отрезвило. Потом уж он увидел и Ольгу, и учителя... А так как они промолчали на его «здравствуйте», он еще раз громко сказал:

– Здравствуйте, говорю. Что за невежливость такая?

– Здравствуйте, – сказал Юрий.

Ольга внимательно – с таким знакомым любопытством! – смотрела на Петра.

– Сесть-то можно? – весело спросил тот. И сел, не ожидая приглашения.

Вспомнилось ему, как когда-то, в ранней молодости, случалось одному нарваться на ораву ребятни из чужого, враждебного края. Точь-в-точь такое же чувство: сперва мгновенная оторопь – она хоть и мгновенная, хоть и оторопь, а успеешь заметить: высок ли плетень, что рядом, не махнуть ли через него? Успел заметить Петр, что Юрий растерялся, если не испугался, Ольга приготовилась – ждет какой-нибудь выходки от Петра, вся настроилась, но спокойная и – вот-вот – в глазах появится насмешка.

– Давайте познакомимся! – Петр встал, шагнул к Юрию... И опять успел заметить, как в глазах Ольги метнулся испуг. И погас. Но еще самую малость – шагни Петр решительнее или сунься в карман – она или вскочила бы, или крикнула. – Ивлев Петр, – представился он.

– Юрий.

Петр сел.

– Ты любишь ее? – в упор спросил он Юрия.

– Да, – ответил Юрий, несколько более решительно, чем этого требовал простой вопрос, несколько даже торжественно. Он тоже, наверно, шагнул в яму. Ольгу покорило это.

– Ты, Ольга?

– Когда я еще была в пионерах, меня учили, что на допросах надо молчать. Я...

– Ты любишь? – переспросил Петр, меняясь в лице. Ольга знала, что это такое – когда он меняется в лице.

– Да, – сказала она.

– Вот и все, – сказал Петр.

«Убить!» – стукнуло в голову, и уж гнилостный, страшный холодок беды дохнул в грудь.

– Вот и все, – повторил он. И полез закуривать. – Разговор кончен, – он устал, и все стало безразлично. Сунул обратно папиросы, поднялся и пошел к двери. – Прощайте, – сказал на ходу. И хлопнул дверь.

Во дворе его догнала Ольга.

– Я провожу тебя.

– Зачем?

– Мне хочется.

– Пойдем.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Долго шли молча. Петр шагал широко, Ольга едва поспевала за ним.

– Отца видел? – спросила она.

– Видел.

– Какой?

– Лежит.

– А там... с теткой?

– Померла

Опять долго молчали, почти до самого дома Фонякиных.

– Петр... у меня сердце кровью плачет... Я проклинаю себя... Мне жалко вас – тебя и отца...

– Это ты брось. Зря.

– Все равно вы самые хорошие, самые родные мне.

– Брось, Ольга! Чего ты?.. Совсем непохоже на тебя. Не нам с тобой плакать.

– Я домой не пойду.

– Почему?

– Не надо, отец разволнуется. Я подожду.

Фонякин сидел в кровати, когда вошел Петр.

– Что? – спросил он испуганно. – Скоро как-то...

– Ничего, все обошлось. Успокойтесь, – Петр присел к нему на кровать. Говорить было совершенно не о чем. Тяжело было бы о чем-нибудь говорить.

– Ну, поехал. – Петр поднялся. – Выздоровливайте.

Фонякин кивнул.

– Трудовую книжку вышлите потом.

– Ладно. Куда сейчас?

– К дяде. Старенький он уж стал... инвалид.

Фонякин опять кивнул.

– Не обессудь, Петро. Я ничего тут не мог сделать.

– Да что вы! Поправляйтесь, главное. Я не пропаду, – Петр пожал крупную слабую ладонь тестя. Когда-то – он даже и не успел заметить, когда и за что, – полюбил он этого доброго человека, вечного труженика. И понял это только сейчас.

И его тоже больно отрывать от сердца.

– Будьте здоровы.

– Счастливо тебе, – Фонякин глядел вслед Петру, пока за ним не закрылась дверь.

Ольга ждала его.

– Вот так, Ольга.

– Как он? – пока Петра не было, она заметно успокоилась.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ничего. Поругались, наверно?

– Да. Хуже – он меня ударил. Первый раз в жизни...

– Ну... ты больней бьешь.

– Куда сейчас?

– Домой. Дядька плохой тоже... Ничего, Ольга, все будет нормально.

– Не торопись, куда бежишь-то?

Петр сбавил шаг.

– Он хороший человек? Учитель-то?

– Хороший, – не сразу ответила Ольга. – Но это... опять не то. Я не знаю, – она не жаловалась, не сожалела.

На Петра никак не подействовали ее слова. Вышли уже на край села, а за селом открывалась даль. Всхолмленная, в лесах, но необозримо широкая, раздольная. Представилось Петру, что надо идти ему в эту даль – незнакомую, необъятную. Непривычно, чуть страшновато, но уже думалось о том, как будет ТАМ, ВДАЛИ. Уже шагнул он ТУДА, и остановить его было нельзя. Именно оттого, что непривычно, и неведомо, и неоглядно широко, манило и влекло ТУДА.

Увидев колодец в конце улицы, Петр свернул к нему.

– Подожди, напьюсь на дорожку.

Ольга тоже подошла к колодцу.

Вал с визгом, долго раскручивался. Глубоко внизу гулко ударилась в воду кованая бадья. Забулькала, залопотала вода, заглатываемая железной утробой бадьи. Тихонько, расслабленно звенели колечки мокрой цепи. Потом цепь рывком натянулась – бадья, наполнившись, утонула. Вал надсадно, с подвывом застонал, как заплакал. Цепь с противным, трудным скрежетом наматывалась на вал. Срывались вниз капли, громко шлепались.

Петр подхватил тяжелую бадью, поставил на сруб, широко раскорячил ноги, склонился и стал жадно пить.

– Мх, – простонал он, отрываясь от бадьи, – холодная, аж зубы ломит. Не хочешь?

Ольга отказалась.

Петр еще раз пристроился к бадье, долго пил. Потом торопясь вылил воду. Оба стояли и смотрели, как льется на грязную, затоптанную землю прозрачная вода.

– Вот Ольга... так и с любовью бывает, – сказал Петр, продолжая смотреть, как льется вода. – Черпанул человек целую бадейку, глотнул пару раз, остальное – в грязь. А ее тут на всю жизнь хватило.

– Да, – бездумно согласилась Ольга. Мысли ее тоже где-то далеко-далеко. – Прости, Петр, что так получилось.

– Брось...

– Как хочется, чтобы ты счастлив был! Правда, всем хочется счастья, даже больше, чем себе, и вот... так получается.

– Ты так говоришь, как будто я тебе какого-нибудь зла желаю. Мне тоже охота, чтобы у тебя все хорошо было.

– Спасибо. Не будет.

– Будет. Не унывай.

Там, вдали... Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Вывернулась из села попутная машина. Петр «голоснул». Машина притормозила.

– Прощай.

– Будь здоров.

Петр поцеловал Ольгу. Подержал в ладонях ее лицо, посмотрел в глаза... Еще раз поцеловал.

– Прощай.

Когда поехали, Петр крепился, не оглядывался. Потом оглянулся. Ольга стояла на дороге, смотрела вслед ему...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!